

O. Jean-Marie Segalen CSsR

**ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ
С МАРИЕЙ ЧЕЛЕСТЕ КРОСТАРОЗА**

Перевод: с. Мария Пежхала
с. Ирина Каткова
(на основе перевода с французского с. Е. Клачак)

Сестры Редemptористки
Петропавловск 2009

ВСТУПЛЕНИЕ

Сестра Мария Челесте Кростароза - малоизвестное лицо. Она была близким другом двух великих святых, почитаемых во всем мире: св. Альфонса де Лигуори, учителя Церкви, основателя Конгрегации Редemptористов и Герарда Майелла, брата редemptориста, покровителя будущих матерей.

Основание монашеского Института

Мария Челесте даже не хотела слышать, чтобы ее звали основательницей. Она была уверена, что существует только один настоящий Основатель Ордена Пресвятого Искупителя и Конгрегации Пресвятого Искупителя - Иисус Спаситель. Она объявляет это однозначно и многократно:

«Господь объяснил мне... содержание Устава и дух Института. Сказал, что в новом Ордене нельзя пользоваться титулами основателей, ибо Он сам становится Краеугольным Камнем Ордена, строительным раствором являются евангельское зерно Слова Божьего, а мое сердце землю под его здание. А строителем всего является сам Бог Отец» («Автобиография» стр. 1, 21).

Сотрудничая с Господом, Мария Челесте трудилась не щадя сил, отважно и беззаветно, над основанием ордена монахинь и вместе с Альфонсом де Лигуори над основанием Конгрегации Пресвятого Искупителя. Одновременно была полностью уверена, что только Господь - первый создатель этого дела. Со своей стороны использовала все силы, чтобы основать орден монахинь, при решительной помощи св. Альфонса и поддержке Монсеньера Фалькоя. Мало того, инспирировала основание Конгрегации Пресвятого Искупителя, мужской ветви нового института, основанного св. Альфонсом при поддержке Монсеньера Фалькоя. Но главным основателем всегда был Иисус, озабоченный спасением людей, прежде всего оставленных и нищих.

Зная все эти нюансы, мы, все-таки, пользуемся титулом «основательницы», так определяя вклад Марии Челесте в основании нового Института. К этой задаче её подготавливал Господь, призывая сначала к жизни в Кармеле, в школе Терезы Авильской, потом к жизни визитки, в школе Франциска Сальского, и в конце, позволяя ей узнать жизнь доминиканок в Парети. Однако, всегда, с самого детства, её жизнь была жизнью по Евангелию, в школе Иисуса, который наставлял её особенно в момент ежедневного причащения.

Мистик Евхаристии

Мария Челесте, живя в восемнадцатом веке, столетии Просвещения, провозгласившем царство разума, отвергшем всякий мистицизм, является именно мистиком. Кроме того, в эту эпоху женщина почти не имеет прав ни в обществе, ни в Церкви. Мария Челесте – это женщина сильная, упорная, энергичная, решительная. Всегда умеет сказать «да» Богу. А когда надо, умеет также сказать «нет» людям, включая и представителей Церкви.

Ее труды малоизвестны и немногочисленны. Читать она научилась в молодости, но писать её никто не учил, как и многих молодых девушек тех времен. Это препятствие она преодолела не столько по просьбе исповедника и духовного наставника, но это был её ответ на призыв Господа:

«Возлюбленная моего сердца, напиши обо Мне то, что Я тебе раньше передал по секрету. Говори об этом открыто, ибо Я хочу, чтобы ты объявила все эти истины, которые моя мудрость тебе передала о моем Воплощении и о великолепии моих дел, которые проявились принятием Мною человеческой природы» (Беседы, 9).

Мария Челесте не пишет трудов, чтобы их издавать, как ее друг св. Альфонс, который считал свои произведения орудием евангелизации. К этому поощрял его блаженный Януарий Сарнелли, его товарищ в апостольской деятельности, который с юмором любил говорить: «Я с помощью моих книг мог бы проповедовать до конца мира». Стремления Марии Челесте были более скромные: она старается сотрудничать с Господом в различении своего духовного пути и основании нового Института, к которому призвал её Господь с 1725 года. Стиль ее трудов изобилует выражениями неаполитанского диалекта, в них много орфографических и пунктуационных ошибок. Она просто описывает то, с чем к ней обращается ее

«Возлюбленный», Господь Иисус. Пламенеет как вулкан и говорит в порыве мистика, которого разогрела «лава» Божьих слов, застывшая в форме неаполитанского диалекта восемнадцатого века, под пером той женщины, которая практически не училась, а единственной ее книгой, кажется, была Библия. Но в своих трудах она предприняла удивляющие для своей эпохи поиски на наиболее глубоких уровнях понимания Божьего Слова (...).

Все ее труды являют евхаристическую духовность, которая поражает. Как другие лица, призванные к созерцанию, она знает больше об этой тайне, чем известные теологи. Она осознает, что каждое св. Причастие - это не только встреча с Христом, но и опыт преобразующего человека соединения, одновременно и болезненного и радостного, которое не унижает человеческую личность, но делает её *Телом Христа*, т.е. тем, кто вместе со св. Павлом может сказать: *«И уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал 2, 20)*.

Мария Челесте, рассказывая о своей духовности, просвещает нашу. Не столько учеными формулировками, сколько – образами. Очень красивыми! Такими, которые представляют тайну Пресвятой Троицы и Евхаристии. Призывает нас к духовному путешествию путем христианской веры. Однако нам не надо затрагивать все подробности ее представлений или посланий; не надо нам это регистрировать скрытой камерой или записывать на магнитофонной пленке. Не надо нам слушать её материально, ни физически испытывать ее видений. Она сама говорит только о мистических интуициях, но реальных, которые нас восхищают. Пробует искренно, хотя неловко, передать слова и образы, которые ей являются. Таким образом, передает внутренний диалог с Господом, прежде всего в момент Евхаристии. Не записывает слово в слово, как если бы Господь ей их диктовал, но пробует смиренно и с любовью передать своим женским языком то, что Господь ей передал. Слушает и пишет. И в этом - ее исключительность. Она не богослов, но неаполитанка с горячим сердцем, влюбленная во Христа с раннего детства, которая поручает нам секреты своей великой любви к Господу. В своих трудах она 90 раз пользуется выражением *нежность Бога* и 550 - словом *любовь*.

Мистик сегодня

Мария Челесте - мистик Евхаристии, мистик сегодняшние времени. 250- годовщина её смерти совпадает с годом Евхаристии, объявленным Папой Иоанном Павлом II в 2005 году. Счастлирое совпадение!

Ее послание, по сути - это особенное евхаристическое послание, предназначенное не только для созерцательных сестер, но для всех христиан. Своей жизнью и трудами Мария Челесте приглашает нас не столько к открытию новых способов молитвы или особенных набожностей, но учит нас встречать в молитве Господа, который сам идет нам навстречу в Евхаристии, чтобы с нами беседовать, очищать нас от ошибок, одаривать своей жизнью, объявлять нам свою любовь, преобразовать нас и посылать в мир, чтобы мы продолжали Его дело спасения.

Молясь с Марией Челесте, мы чувствуем себя возвышенными созерцанием и одаренными миссией. С верой, радостью, восторгом, с огнем любви к Иисусу будем слушать слова, с которыми Иисус обратился к ней в момент ее благодарения после св. Причастия:

«Я пришел, чтобы огонь принести на землю, чтобы ты в нём пылала. Я прихожу положить в земле твоего сердца два вида огня, или скорее - вызвать два его следствия, ибо огонь моей любви один.

Первое - перемена твоей жизни в мое существо, то есть – ты будешь делать только то, что Я делаю для славы моего Отца, и, таким образом, ты будешь жить моей жизнью, а Я буду жить в тебе.

Второе следствие этого огня - это усердие о спасении душ: ты будешь наполнена заботой об их благе, и, таким образом, ты доставишь мне большое удовольствие, предъявляя Мне настоящую любовь» («Духовные упражнения», 8).

ХРОНОЛОГИЯ

1696 - Юлия Кростароза родилась в Неаполе, в Италии, 31 октября 1696 года (в монашеской жизни принимает имя Марии Челесте, и этим именем будем пользоваться, потому что под ним она известна в истории). Она - десятый ребенок в семье насчитывающей двенадцать детей: семь девочек и пять мальчиков. Ее отец Иосиф Кростароза - доктор гражданского и канонического права, занимает высокую должность в магистрате Неаполя, ее мать Паола Баттиста Кальгари происходит из дворянской семьи.

1707 – в возрасте одиннадцати лет Мария Челесте принимает первое св. Причастие. Немного позже, в возрасте пятнадцати лет получает от исповедника разрешение ежедневно принимать св. Причастие.

1714 – в возрасте семнадцати лет приносит Богу обет целомудрия.

1718 – весной, вместе со своей сестрой Урсолой, поступает в Кармель в Марилиано.

1719 - 21 ноября, в праздник Введения в храм Пресвятой Девы Марии, вместе со своей сестрой Урсолой приносит вечные обеты.

1720 – в начале этого года поступает в монастырь ее младшая сестра Джованна. В мае этого года Мария Челесте была избрана наставницей новициата.

1723 - в октябре Кармель ликвидируют по просьбе епископа, вследствие вмешательства владелицы территории на которой он находился, графини Изабеллы Мастрилло. Вместе со своими сестрами Мария Челесте оставляет монастырь 16 октября и три месяца проводит в Портичи.

1724 - по совету о. Томассо Фалькоя из Конгрегации Набожных Работников, Мария Челесте поступает вместе с двумя своими сестрами в монастырь визиток в Скала, основанный в мае 1720 года о. Маурицио Филанджери и его сотрудником о. Фалькоя. Принимает рясу визитки 9 февраля и получает имя Мария Челесте Святой Пустыни. По собственному желанию повторяет новициат.

1725 - 25 апреля Мария Челесте получает первое откровение, касающееся нового Института. В мае-июне по просьбе Господа, под вдохновением Святого Духа, во время благодарения после св. Причастия пишет Устав нового Института. Тогда она еще была новицией. Этот проект нового института вызывает энтузиазм у большинства сестер, но вскоре остается отвергнутым отцом Филанджери, а потом отцом Фалькоя... и Мария Челесте по повелению генерального викария Скала удаляется для покаяния на чердак монастыря. Пятнадцать дней спустя её освобождает наставница новициата.

1726 - 28 декабря этого года Мария Челесте приносит монашеские обеты согласно Уставу сестер визиток и получает имя Мария Челесте Пресвятого Спасителя.

1730 - 27 февраля умирает от апоплексии о. Филанджери, который был главным противником проекта нового Института. В том же самом году о. Фалькоя был назначен епископом Кастелламаре, находящемся в двенадцати километрах от Скала.

В сентябре Мария Челесте первый раз встречается с Альфонсом де Лигуори, который прибывает в Скала, чтобы проповедовать в кафедральном соборе новенну перед праздником Воздвижения Святого Креста и ведет духовные упражнения для сестер визиток. Пользуясь этим случаем, исследует также откровение, полученные от Господа Марией Челесте в апреле 1725 года: он уверен, что основание ордена Пресвятого Спасителя это Божье дело, торопит общину и получает одобрение Монсеньера Фалькоя.

1731 - 13 мая в Торжество Сошествия Святого Духа происходит торжественное открытие нового Института. 6 августа сестры надевают новую рясу. С 3 на 4 октября, в праздник Франциска Ассизского, Мария Челесте получает новое откровение: видит Альфонса первым настоятелем мужской ветви Института Пресвятого Спасителя. Месяц спустя, когда он приезжает в Скала, Мария Челесте говорит ему о призвании его Господом к основанию мужской ветви Института.

1732 - Альфонс и его товарищи собираются в Скала, чтобы дать начало мужскому институту. 9 ноября основывают Конгрегацию Пресвятого Спасителя.

1733 - 25 мая утром, в понедельник, после торжества Сошествия Святого Духа, Марию Челесте выгоняют из Скала, по поручению Монсеньера Фалькоя, который для этого созвал Капитул монастыря. Альфонс отсутствует: проповедует где-то далеко миссии. Каковы основания этого изгнания? Монсеньер Фалькоя требует, чтобы Мария Челесте подписала Устав, который он изменил, и принесла обет, что выбирает его своим духовным наставником. Она отвергает эти условия. В понедельник торжества Сошествия Святого Духа она прощается со всеми сестрами и оставляет монастырь вместе со своими двумя родными сестрами и отправляется в Амальфи.

В первые дни июня ее старший брат Франциск приезжает, чтобы перевезти их в Парети (Ночера) в конвент Благовещения. Там Мария Челесте была тепло принята епископом ординарием. Он настаивает, чтобы она согласилась быть настоятельницей в монастыре доминиканок в течение трех лет для его реформы. Через некоторое время Мария Челесте принимает его предложение.

Реформа принесла плоды и поэтому епископ просит её, чтобы при согласии Рима, она согласилась реформировать также и другие монастыри его епархии.

1735 - 7 ноября Мария Челесте отправляется в Роккапемонте, расположенном недалеко от известного аббатства Кава деи Тирени. Она прибыла туда с намерением основать монастырь по Уставу, данному ей Господом в Скала. Но по просьбе каноника из Фоджа оставляет дом, непригодный к этому проекту, чтобы потом в Фоджа основать новый монастырь.

1749 - Папа Бенедикт XIV утверждает Конгрегацию миссионеров Пресвятого Искупителя, а на следующий год, 8 июня 1750 года - Орден монахинь Пресвятого Искупителя. Название Пресвятого Спасителя было изменено на Пресвятого Искупителя потому, что в Церкви уже существовала другая Конгрегация с этим названием. Это утверждение касалось и монастыря в Скала, зато монастырь в Фоджа до конца сохранил название Пресвятого Спасителя.

1755 - в пятницу 14 сентября, в праздник Воздвижения Святого Креста Мария Челесте чувствует, что ослабевает. Требует священника и получает последние таинства. Затем, просит священника, чтобы прочитал ей описание Страстей Господних из Евангелия св. Иоанна. Когда священник читает последние слова Спасителя на кресте «Совершилось...», Мария Челесте умирает.

В этой местности её называли «святой аббатисой». Толпа народа участвует в похоронной мессе. Женщина, слепая от рождения, просит милости, чтобы только ее увидеть, и прозревает.

1788 - в этом году начинается епархиальный процесс беатификации и богословы изучают дело «святой аббатисы», но изгнание епископа, революция и следующие события прекращают его ход.

1809 – вторая попытка процесса, который в это время прекращается из-за гражданской войны.

1855 - по случаю 100-годовщины смерти Марии Челесте вновь начинается процесс беатификации, но антиклерикальные движения, действия со стороны правых против монашеских общин, снова его блокируют.

1879 - Каноник из Базилики Санта Мария Маджоре Петр Кростароза, дальний родственник Марии Челесте, опять открывает процесс 9 июля этого года: допрашивает 116 свидетелей, изучает 50 чудес... но смерть каноника снова перечеркивает эти старания.

1895 - 12 декабря декрет Святой Конгрегации Обрядов объявляет, что труды Марии Челесте лишены ошибок.

1901 - 11 августа Папа Лев XIII объявляет Марию Челесте Кростароза Почтенной (Службой Божьей).

1924 - умирает последняя монахиня монастыря в Фоджа.

1933 – через два столетия после бурного ухода Марии Челесте из Скала две сестры из этого монастыря прибывают в Фоджа. Монастырь остается включенным в орден Пресвятого Искупителя. Торжественно принимает реликвии Слуги Божией с. Марии Челесте.

1983 - 15 июля пленарное собрание редемптористок, в Колле Сант Альфонсо (Италия) решило вновь начать беатифиционный процесс Слуги Божией Марии Челесте Кростароза, согласно новым нормам Конгрегации по делам Святых.

2005 – по просьбе Иоанна Павла II этот год был объявлен Годом Евхаристии. Для Марии Челесте, которая была мистиком Евхаристии, это событие совпадает с 250-годовщиной ее смерти. Сегодня многие люди с нетерпением ожидают её беатификации, когда можно будет с радостью сказать: «Блаженная Мария Челесте, молись о нас!».

Отец Жан Фавр в книге о жизни Марии Челесте (*La Venerable Marie Celeste Crostarosa*) пишет:

«Мария Челесте родилась через месяц после рождения св. Альфонса, умерла за месяц до смерти св. Герарда, и оба эти святые ручаются о ее святости в чреве Института Пресвятого Искупителя».

ТОТЧАС

«Я остаюсь. Тотчас...» («Альфонс Лигуори - святой столетия Просвещения», стр. 110).

В своем труде Т. Рей-Мермет «Альфонс Лигуори - Святой столетия Просвещения», таким представляет Марию Челесте:

«Весной 1718 года ранним утром карета дона Джузеппе Кростароза, адвоката палестры города Неаполя тащила на солнце по Кампо Нолиано. В голубоватом тумане, образованном лучами солнца между деревьями и цветами, четыре дамы ехали в Марилиано, находящемся в 20 километрах от столицы. Госпожа Паола Баттиста Кростароза, ее подруга и две дочери: Урсула, лет тридцати и Юлия около двадцати двух. Они ехали посетить с. Вердиану от Иисуса, настоятельницу консерватории в Марилиано (...)

В Кармеле их приняли горячо и радостно, произошел разговор, во время которого настоятельница по вдохновению ставит Юлии необычный вопрос: «А ты чего ждешь, чтобы отдать себя Господу? Не хотела бы Ты остаться с нами в монастыре уже сегодня?»

Она даёт немедленный ответ.

- Я остаюсь тотчас».

Тотчас! В этом ответе заключается весь темперамент Марии Челесте. Все: живое пламя любви и резкость отдачи; свобода духа и сильная воля; энергичный характер и скорость решения; горячая любовь к Христу и полный дар себя, радостный, без расчёта.

Тогда она остается в монастыре. Между нею и матерью произошел живой разговор. Появилось сомнение, относительно согласия отца, который ни о чем не знал. Мария Челесте выражает готовность вернуться домой, если бы отец не принял их решения. Однако она остается в убеждении, что отец согласится и оплатит монастырю требуемое приданое.

Мария Челесте родилась в сердце Неаполя 31 октября 1696 года, спустя несколько дней после рождения св. Альфонса, в том же самом районе, что и он. Это был месяц роз, также фамилия ее семьи Кроста-Роза (огненные розы) напоминает, что она пришла в мир в середине осени, которая, как пишет поэт, *облита дождем золота, шафрана и меди...*

Она была десятым ребенком в семье, как бы лучиком солнца, любимым всеми, одаривающим всех своим весельем и добрым юмором. Развита не по возрасту, будучи пятишестилетним ребенком имеет первые мистические опыты, а в одиннадцать лет приступает к св. Причастию. На пятнадцатом году жизни ее исповедник позволяет ей ежедневно приступать к этому таинству. Это исключительное разрешение, если примем во внимание эпоху, в которой она жила; немного лиц пользовалось тогда такой привилегией. С того момента Евхаристия стала центральным пунктом её ежедневной молитвы и центром ее духовности. В семнадцать лет она, с согласия духовного отца, приносит Богу обет целомудрия.

Теперь она живет в Кармеле в Марилиано. И не желает смягченной монашеской жизни. Замечая в монастыре ослабление монашеской дисциплины, живо реагирует, сказав настоятельнице: *«Если не справитесь с этим ослаблением, я не принесу обетов в вашем монастыре».*

Настоятельница прислушалась к её замечаниям, и 21 ноября 1719 года, в праздник Введения Матери Божьей в храм, Мария Челесте приносит обеты, она счастлива, ибо *Мария приняла её как свою дочь*. Шесть месяцев спустя Марию Челесте назначают наставницей новициата. Это служение порождает в ней усердие по спасению душ. Она сама об этом напишет: *«Я ощутила голод любви к ближнему, и ещё более горячей любви к Богу».*

Но вскоре Кармель был ликвидирован по просьбе епископа, который таким образом хотел избежать вмешательства владелицы имения, на земле которого находился монастырь. Так пришлось искать решение, чтобы сохранить обеты, данные Господу. По совету отца Фалькоя Мария Челесте поступает в монастырь визиток в Скала. И в этом новом монастыре Господь объявит ей новый способ монашеской жизни, которого Он желает для мужчин и женщин тех времен и будущих столетий. Это происходит во время благодарения после св. Причастия, в центральном для ее духовного опыта моменте каждого дня.

В 1718 году, на вопрос настоятельницы Кармеля в Марилиано Мария Челесте ответила: *да, тотчас*. Потом не только старается продолжать свое «Да» Господу, но входит еще глубже в это «Да», которое будет длинное, трудное, болезненное, как страсти Иисуса, но принесет ей радость и мир Пасхи. Мария Челесте желает ввести мужчин и женщин своего времени, и будущих столетий, в новый способ монашеской жизни, который Господь объявил ей во время благодарения после св. Причастия. Приглашает к тому, чтобы монашеская жизнь - индивидуальная и общинная - была созерцанием Христа в Его Пасхальной тайне и продолжением Его миссии Спасителя во всем мире, в течение всех веков.

А мы сегодня?

Самая важная молитва для Марии Челесте - это слушать Бога. Жертвуем ли мы наше время, чтобы слушать Бога?

Зная Его призыв, способны ли мы ответить «Да» как Петр, оставив сети и лодку рыбака; или как Матфей, контору мытаря, или как Мария Челесте - выгоду отцовского дворца?

Осознаем ли мы, что Господь не требует от нас быстрого, немедленного апостольского успеха, но верного пребывания в Его любви, что порой является более дорогим?

Наше «Да» это не только щедрое, полное воодушевления, терпеливое и верное разрешение Господу действовать, но оно является также радостным пожертвованием себя Господу во «всех цветах Пасхи»?

Осознаем ли мы, что высказанное нами «Да» Господу не столько связывается с получением нами личной награды, как цели наших стремлений, но оно делает нас более восприимчивым к большому *голоду, чтобы помогать ближнему* на пути спасения. Чтобы делиться верой с другими, счастьем, любовью Господа, этой любовью, которую мы открываем в Слове, в таинствах, а особенно в Евхаристии?

Молимся с Марией Челесте

В день принесения монашеских обетов Мария Челесте высказала вновь эти слова «*Да, тотчас*», воспевая Господу песнь ею самою сочиненную:

Наступил желаемый час:

мой Бог соединился со мною браком.

Я полностью утешена

и в любви отдыхаю.

Какая теперь радость во мне,

исполнилось мое желание.

Прекрасный мой Жених

радостью моей будет вовек.

Всегда по Тебе буду тосковать,

чтобы наслаждаться дорогим Возлюбленным,

чтобы Ему служить и Ему нравиться,

чтобы обрести Его в вечности.

Потом вознесусь к Тебе, Возлюбленный,

чтобы увидеть Тебя на небесах,

и там уже навсегда соединиться

с Женихом, которого я возлюбила.

(Автобиография I, 9)

Созерцать Божье Солнце

«Как бы это было возможно, если бы я, смотря на мое Божье Солнце, помещенное в тебе, не захотела сначала всматриваться в блеск окружающего его Кристалла, через которое оно было передано и даровано миру, и в котором сам Отец Его поместил» (Беседы, 9).

Мария Челесте жила в Неаполе. Она видела неаполитанское солнце, которое золотило все. Сравнение Христа с солнцем помогало ей выразить то, что она ощущала во время молитвы, прежде всего после св. Причастия. Иначе говоря, смотря на создание, или точнее - созерцая Бога, присутствующего в создании, которым она восхищалась, могла открывать Его настоящий облик. Ибо Бог Отец, который является любовью, самой любовью, а через своего Сына Иисуса стал человеком, одарил нас Святым Духом, который позволяет нам участвовать в Божьей жизни. К размышлению над этими мистическими тайнами Господь приглашал её с детства.

«Однажды Господь призвал меня внутренним призывом и сказал: «Посмотри на земное солнце как освящает, согревает, помогает жить растениям на земле, чтобы рождали цветы и фрукты. Оно весь мир радует своим блеском. Заметь, что оно светит для всех. Только те, кто заперли окна души и не хотят открыться на этот свет, по своей воле его лишены, потому что не хотят всматриваться в его блеск. Это земное видимое солнце сотворено как символ Божьего Солнца, которое своим Божеством освещает внутренний мир души. Это действие моего присутствия в душе Мною сотворенной. Смотри на это земное солнце и увидишь мое Божье совершенство. Увидишь, как тепло моего Божьего Духа возвращает в душе «растения добродетелей», а они приносят цветы и плоды жизни вечной. Я одариваю светом, который освещает разум и пробуждает волю в моей Божьей любви. В моем Божьем тепле Я осушу все злые соки, порожденные непорядочными страстями. Итак, Я уничтожаю несовершенства душ, которые, имея открытые глаза, всматриваются в Меня и позволяют, чтобы осветил их мой блеск. Это те, кто открыл окна души, то есть - не запер их грехом. Смотри на земное солнце, будешь помнить о том, что Я тебе сказал, и это будет твоей неустанной молитвой» (Антология, 83; Автобиография I, 4).

Всем тем, кто подвергается риску стоического или волюнтаристского подхода к духовности, Мария Челесте предлагает сначала созерцание Бога в Иисусе: Он – это солнце, которое просвещает и согревает. Разве не слышим мы здесь эхо слов Евангелия св. Иоанна: *«В начале было Слово... и Слово было... Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. И в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков... Был Свет истинный, который просвещает каждого человека, приходящего в мир» (Ин 1, 1-4, 9).* Настоящий свет, который каждого просвещает, каждого переменяет, преображает, делает красивым.

Становясь перед этим Солнцем, перед самим Иисусом, нельзя не почувствовать Его действия. Но надо поставить себя под Его действие, позволить позолотить себя Его лучами, т.е. измениться под влиянием этого света, позволить обожествить себя. Мария Челесте это понимала, умела Им восхититься, позволила Ему поразить себя.

«Я вижу твое Божье Сердце как шар огня, в котором совершенствуются все мои действия, благодаря упражнению в чистой любви» (Беседы, 2).

Это происходит, прежде всего, во время Евхаристии:

«После св. Причастия моя душа вошла в Тебя, но Ты уже раньше был в моём сердце; я погрузилась в Тебя, открывая величие твоей бесконечности. В центре моей души появился свет, в котором я увидела предвечное Солнце... Бесконечное Благо, как обильно Ты наполняешь добром всех тех, кто Тебя любит! Зачем же я еще так усердно ищу благ и богатств этого ничтожного мира? Это только погоня за тенями. Мое сердце загорается в эти дни под влиянием множества милостей: я не только испытываю твое присутствие, но ощущаю твою близость в глубине моего сердца» (Духовные упражнения, 10).

Всю свою жизнь Мария Челесте будет созерцать Свет мира, Солнце, живущее в ее сердце, и, прежде всего, в момент св. Причастия.

«О, мой Господь, я созерцаю твое святое и прославленное Тело. Оно тысячекратно красивее, чем солнце из чистого кристалла. Разве могла бы я достигнуть такой чистоты? Только Ты можешь так меня очистить, ибо я сама, собственными силами этого не достигну» («Новенна», 3).

А мы сегодня?

Чтобы хорошо молиться, надо как Мария Челесте пожертвовать время для восхищения. Надо восхищаться Богом, Его делами, Его любовью. Мы, как некоторые журналисты прессы, радио и телевидения, подвергаемся риску обращать внимание только на отрицательные вещи в нас и вокруг нас, не замечая самого прекрасного.

Осознаем ли мы, что Господь одарил нас и весь мир ни с чем не сравнимым светом, и хочет, чтобы мы смотрели как Он, то есть сначала замечали красивое и хорошее в нас и вокруг нас. Давайте, начнем!

Молимся с Марией Челесте:

Царь мой, кроткий и могучий,
позволь, чтобы я хотя бы одним словом
выразила то, что Ты – мой Утешитель.
Именно такого Тебя вижу,
мое предвечное Солнце,
одетое Богом Отцом,
совершенным Мастером,
полным мудрости.
Он, желая освободить мир от темноты,
одел твое Божество
блестящим кристаллом,
то есть твоим Человечеством,
через которое Он объявил
Божий блеск всех
бесконечных сокровищ и богатств,
заклоченных в Тебе, Его слове.
Так облеченное Солнце поместил в мире,
чтобы оно стало светом для всех людей,
как писал св. Иоанн Евангелист.
Поэтому Ты - свет вечной славы,
как в небе, так на земле, среди грешных людей,
Ты блистаешь как Солнце справедливости,
чтобы грешных освободить от темноты греха,
а для справедливых быть магнитом,
притягивающим их сердца к Тебе
(Беседы, 9).

ВСМАТРИВАЙСЯ В МЕНЯ

«Всматривайся в Меня, люби и живи любовью не тела, но духа, не согласно чувствам, но Божьим способом».

Всматривайся в Меня... это призыв Иисуса к созерцанию. Мария Челесте не колеблясь отвечает «Да». Впрочем, Иисус настаивает: «Пусть будет это взгляд обоих твоих глаз, что значит взгляд сосредоточенный, невозмущенный, не останавливающийся на вещах созданных, проходящих и земных, и тем более не поддающийся какому-либо движению, которое ты чувствуешь в себе самой, нисходящим из низших сфер твоей природы. Вонзи свой взгляд в твое предвечное высшее Благо» (Беседы, 9).

Господь возвращается, чтобы укрепить в ней этот взгляд созерцания. Мария Челесте осознает это: *«Это первый урок, который Ты мне даешь. Я всегда должна взгляд моих глаз вонзать в Твое Божье существо» (Беседы, 7).* Она осознает, что всегда должна помнить об этом взгляде, направленном на Господа: *«Глазами твоего разума всегда всматривайся в Меня с чистотой во всё, даже в самой маленькой вещи» (Беседы, 8).*

Разве этот вызов Господа так част не поэтому, что выражение «всматривайся в Меня» - является зовом любви? Нет настоящей любви без взгляда! Мать, любящая своего ребенка, смотрит на него, и ребенок в этом взгляде открывает, что он любим ею. То же самое происходит между нами и Богом. Иисус говорит об этом Марии Челесте:

«Поэтому в тебе должно быть непрерывное желание любить Меня, которое твою душу притянет ко мне и проникнет во все твои актуальные действия: духовные, временные и чувственные; сводя все к одной только вещи - к любви и чистой правоте только для Меня, единственной твоей цели» (Беседы, 8).

И ещё Иисус объявляет Марии Челесте, что у взаимности взглядов Бога и человека один источник, им является исходящая от Бога любовь: *«Возлюбленная моего сердца... мои глаза всматриваются в тебя, чтобы ты созерцала Меня моим взглядом» (Новенна, 3).*

Этот сияющий взгляд изменяет Марию Челесте. Она открывает замечательный секрет этого обмена взглядами: это человечество и божество Христа, ибо Слово стало плотью, а Бог человеком. После этого приглашения к созерцанию, она слышит призыв Господа к любви Бога и ближнего:

«Человек, подчиненный действию Святого Духа, живет силой любви и в пламени Святого Духа, который как настоящий огонь поднимает вверх человеческий дух. Его действие одновременно резкое и сладкое, и оно может переменить каждого человека, способного Его принять, в живой огонь любви.

В этом состоянии человек охвачен огромным усердием и пламенем любви, потому что всегда и на все отвечает любовью: ибо любовь смотрит, любовь видит, любовь слышит, любовь любит, любовь рассуждает, любовь желает, любовь все понимает, в любви хочет существовать всю вечность! О, любовь непередаваемая и Божья, центр и жизнь многих сердец» (Ступени молитвы, 10).

Инспирацией к этому тексту Марии Челесте являются слова св. Павла: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы...» (1 Кор 13, 1-3).*

Для Марии Челесте, как для св. Павла Бог – это любовь, Бог - прежде всего любовь. Любовь смиренная и горячая. Господь призывает её, чтобы она также жила любовью. Ибо, как говорит ей Иисус, любовь ценнее всех чрезвычайных даров, которые могут получить души:

«Знай, что в человеке Я более люблю капельку чистой любви, чем все дары, которыми он мог бы обладать. Эти дары Я люблю как мои богатства в людях, которые их получили от Меня. Как от хранителей моих сокровищ Я требую от них, чтобы они верно заботились о них. Но от душ, которым Я не сделал этих милостей и не одарил этими богатствами, Я получаю не меньшее почитание, ибо через смирение и святую боязнь, они Меня

прославляют в великой и чистой любви. И так, укрытый в них, Я живу с ними в несравненном удовлетворении. Ибо все люди будут одинаково прославляемы в небе по мере их любви, а не полученных даров» (Беседы, 1).

Этот взгляд любви становится все больше тихой молитвой, ходатайственной молитвой за весь мир.

«Тогда она любовным единственным взглядом представляет Ему не только себя, но также все нужды ближнего и всякое желание или милость, исполнения которых ожидает. Она стоит перед своим Возлюбленным и этим единственным взглядом любви представляет Ему все свои нужды. И её духовные глаза радуются не только тому, что могут смотреть на Него, но, прежде всего, она радуется, что её Возлюбленный смотрит на неё существенно, дружественно и милосердно» (Ступени молитвы, 2)

Особенно этот взгляд любви испытывает Мария Челесте во время Евхаристии.

«Во время св. Причастия душа испытывает это благодаря любовному взгляду, устремленному в ее сердце от Пресвятой Гостии; это взгляд Пресвятого Человечества соединенного со Словом. Достаточно было бы этого взгляда, чтобы умереть от любви или боли, если Господь раньше не утешил бы и не укрепил бы такие души своей милостью.

Один из таких взглядов получил Апостол Петр после того, как отрекся от Иисуса, и одного такого взгляда ему хватило, чтобы с огромной болью всю жизнь оплакивать свой грех. Этот взгляд так ранил его сердце, что уже никогда не зажила полученная им рана любви, хотя он прекрасно знал, что любящий его и милосердный Учитель простил ему всё» (Ступени молитвы, 8).

Мария Челесте имела «открытые глаза», чтобы видеть Иисуса, который смотрел на неё с любовью; имела «открытые глаза» на мир, на который смотрела с любовью как сам Спаситель.

А мы сегодня?

Позволяем ли мы в тишине нашей молитвы, чтобы Господь смотрел на нас? Принимаем ли мы безропотно и сознательно этот Его взгляд? Отвечаем ли мы искренним взглядом любви на Его взгляд? Знаем ли мы, что это совершенная молитва?

Стараемся ли мы передать любовь каждого дня конкретными жестами нашим ближним, согласно тому, что сказал Иисус: *«Так как сделали вы это одному из сих братьев моих меньших, то сделали Мне» (Мт 25, 40).*

Осознаем ли мы, что всю любовь мы получаем от Бога, как говорит св. Иоанн: *«В том любовь, что не мы познали Бога, но Он возлюбил нас... И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее» (1 Иоанн 4, 10.16).* Говоря иначе, поняли ли мы, что Бог – это источник каждой любви? Что Он - Любовь, которою мы любим Его, любим наших ближних, любовь, которую мы получаем от Него и от других?

Молимся с Марией Челесте

Предвечное Слово...

Твой голос, говорящий мне в сердце,
объясняет мне все без слов,
чистым и Божьим актом
самого Твоего существа в Отце и Его в Тебе.

Я вижу Тебя там.

Ты - счастье и мудрость Отца,
бесконечный и всемогущий свет,
богатство, слава, красота, милосердие, правда, справедливость и святость.

Ты - пречистое зеркало всех Божьих совершенств,
покоя, радости и одиночества.

Ты участвуешь в доброте и счастье Отца...

Ты - свет и слава ангелов,

Ты - красота и сладость неба,

непобедимая сила Божьей добродетели.

В ОДНО ВОСКРЕСЕНЬЕ

«В одно воскресенье, когда я приняла св. Причастие, предо мною предстал Господь с пронзенной грудью... Я начала плакать сладкими слезами, и так пребывала много времени, ощущая глубокое сосредоточение. Потом Господь сказал мне: «Я хочу быть твоим Водителем, я хочу тебя вести, не ищи ничего другого, только Меня. Я буду твоим Наставником» (Автобиография I, 3).

В одно воскресенье... Обычно Мария Челесте говорит о ежедневном причащении, без определения дня, месяца, года. Для неё не столько важна дата, как само таинство Евхаристии. В тот же самый день – уточняет она один раз в своей Автобиографии - происходило это в воскресенье. Воскресенье, это день Господень, иначе говоря, день совершения Евхаристии во всей полноте. Не надо и нам забывать, что вначале христиане праздновали Пасху каждое воскресенье. Этот еженедельный праздник стал торжеством, совершаемым раз в год, только в начале второго столетия. Мария Челесте была внимательна к этому совпадению, потому что Господь ей сказал, что хочет быть ее Водителем, тем, Кто есть - Пасха, которая позволяет ей перейти в землю свободы через Его смерть и воскресение. Каждая Евхаристия является совершением этого перехода, а особенно воскресная Евхаристия. Мария Челесте в этом убеждена.

Я хочу быть твоим Водителем... говорит Иисус. В эпоху, когда она жила, большинство исповедников и духовных наставников требовало от своих пенитентов принесения обета послушания. То же самое касалось отношений епископа Фалькоя и Марии Челесте. Мария Челесте хотела быть в согласии со своей совестью и отвергла это условие, предложенное епископом Фалькоя, и это стало одной из причин, из-за которых она была вынуждена в 1733 году оставить монастырь в Скала. У неё был только один настоящий Водитель – Христос, который с детства говорил в ее сердце.

«Когда я была еще пяти- или шестилетней девочкой, Он начал одаривать меня сладким познанием своего Божества, и оно породило во мне жажду любить Его и служить Ему» (Автобиография I, 1).

В своей «Автобиографии» Мария Челесте рассказывает о том, как Господь вел её духовным путем тогда, когда она приняла обязанность наставницы новициата в Кармеле в Марилиано:

«В то время Господь постепенно начал меня пробуждать от прежней беспомощности и одаривать ясным познанием: сверхъестественным светом, который освещал мой разум и наставлял в правде веры. Притягивая меня к себе, Господь показывал мне свою жизнь, и учил, что Он является жизнью праведного человека. В глубоком любовном соединении мой Иисус, своею благодатью, одарил меня сладким опытом вечной жизни и дал понять слова из святого Евангелия: «Ego sum Via, Veritas et Vita, nemo venit ad Patrem nisi per Me» - «Я Путь, Истина и Жизнь. Никто не может придти к Отцу, как только через Меня». Показал мне чудесное дело соединения Божества с человеческой природой, позволяя понять, что человек может достигнуть этого через веру, благодать Святого Духа и прекрасные плоды добрых дел. И все это силой Его пресвятой жизни, которую Он вел на земле, будучи человеком путником» (Автобиография I, 15).

Мария Челесте ставит в центре молитвы медитацию Евангелия, особенно тексты св. Иоанна и св. Павла. Пишет комментарии для своих сестер и проповедует им духовные упражнения, что было признаком смелости для этой эпохи.

Мария Челесте проповедует Евангелие, но, прежде всего, она сама живет Евангелием, несмотря на все трудности, которые появляются в ее жизни и в жизни ее Института. За несколько дней перед своим уходом из монастыря в Скала она так пишет в одном из своих писем:

«Теперь мой дух отыскал покой. Уже не страшится ничего, потому что идет по следам моего Возлюбленного Иисуса, руководствуясь Евангелием» («История...», стр. 248).

Впрочем, в момент основания нового Института, она дает чрезвычайно значащее и оригинальное для ее эпохи, название Устава: Институт и Устав Пресвятого Спасителя,

заключенные в святых Евангелиях...

Прежде всего, для неё важно послушание призыву Иисуса Спасителя: «*Будете моими учениками*» (Мт 11, 29). Вот почему Мария Челесте просит сестёр, чтобы они каждое утро размышляли над Евангелием текущего дня. Более того, требует от настоятельниц, чтобы они посвятили менее способным сестрам больше времени, помогая им понять правила и конституции института. И она сама напишет много книг, на основе Божьего Слова, которые почти полностью являются комментариями Евангелия.

Мария Челесте не пренебрегает опасностями, которые находят на своем пути те люди, которые молятся, особенно те, кто повторяют определенные молитвенные формулировки, даже самые красивые. Она знает, что «тяжелый флот молитвы *Отче наш*», как скажет позже Шарль Пеги, часто сопровождается неуверенностью из-за рассеянности. Знает также, что бывают дни, когда возникают бури и когда Божий ветер выводит лодку духовной жизни в открытое море. Достаточно, однако, иметь хорошего Водителя - самого Иисуса. Мария Челесте принимает Его ежедневно, слушая Его слово, и, особенно, отдавая «сердце Сердцу» в каждом св. Причастии.

А мы сегодня?

Кто наш духовный наставник? Является ли им Иисус Христос?

Жертвуем ли мы наше время, чтобы слушать Его слова? Размышляем ли мы каждый день над св. Евангелием? Зачем мы его читаем: чтобы его изучать или чтобы медитировать, кормиться им с усердием?

Входим ли мы в диалог с Иисусом, принимая Его в св. Причастии, принимаем ли мы Его послание любви, которое нас ведёт в течение каждого дня?

Приняли ли мы решение, чтобы жить с Христом Спасителем? Для Него? В Нём?

Мария Челесте рассказывает нам, что когда была еще маленькой, пяти- или шестилетнюю девочкой, *Господь начал ее одаривать сладким познанием своего Божества*. Поэтому приглашает нас открыть, как с самых младших лет ценна молитва детей и как велико значение их христианского воспитания. Шарль Пеги, поэт и отец семьи, будет писать об этом два столетия позже и будет воспевать Бога христиан, который очень любит детей. Вот отрывок его сочинения:

«Я видел великих святых, говорит Бог, и расскажу о них.

Но, однако, Я не видел ничего более трогательного и красивого в мире, чем ребенок, который засыпает, читая молитву...

и который мешает слова «*Отче наш*» с «*Радуйся Мария*»

(Шарль Пеги, Сочинения, с. 791)

Молимся с Марией Челесте

О мое Благо... Я обнимаю Тебя,
Прижимаю Тебя нежно к моему сердцу,
Созерцаю Тебя и смотрю на Тебя.
Я могу обращаться к Тебе в правде.
В мгновение Ты мне позволил Тебя понять.
Ты ранил меня огнем, как стрелой,
которая меня тронула и проникла в один момент.
Ты наставлял меня в хорошем,
и Ты объявил мне вечные правды.
Ты возбуждал во мне горячее желание
увидеть Тебя на небе и прижаться к Тебе
в предвечном поцелуе...
Я берегу в Тебе, который являешься моим убежищем
во всех моих нуждах духовных и телесных,
в моих сомнениях и трудностях,
потому что Ты - не только Отец, но и Жених,

и Господь моего сердца,
Водитель, Глава и Наставник.
Хочешь, чтобы я обращалась к Тебе в моих нуждах
чтобы найти утешение и помощь.
Ты мое Всё.
(Духовные упражнения, десятый день).

Я ОМОЮ ТЕБЯ И ОЧИЩУ ОТ ВСЕХ ТВОИХ ГРЕХОВ

«В одно воскресенье, когда я приняла святое Причастие, предо мною предстал Господь с пронзенной грудью, который, принимая меня в свое Божье сердце, сказал: «Войди в мои раны, Я омою тебя и очищу тебя от всех твоих грехов». Слушая Его слова, полные невысказанной нежности, я почувствовала себя чистой и свободной. А Господь еще добавил, что простил мне все мои грехи. Я начала плакать сладкими слезами, и так пребывала много времени, ощущая глубокое сосредоточение» (Автобиография I, 3).

Я омою тебя. Иисус говорит именно это. Вечером в Страстной Четверг Он сам омывает стопы своим ученикам. Все они были грешниками, как и Мария Челесте. Во время Евхаристии она получает прощение, которое её очищает. Она не посещала курс теологии на тему таинств и пасхальной мистерии, но она встретила Иисуса. Он явился ей, и она позволила Ему преобразить себя, в Нём и через Него. Она позволила, чтобы это соединение с Ним ее омыло и очистило. Сам Иисус объясняет ей это.

«Знай, что каждый акт соединения, исходящий от Святого Духа к твоей душе, каждое Божие прикосновение, каждый поцелуй любви, данный твоему сердцу, твоему духу, очищает всякое пятно вины и наказания, нанесенные твоими несовершенствами. Если бы твоя душа в этом моменте должна была оставить тело и перейти в вечность, не пошла бы в чистилище, потому что любовь, исходящая из соединения со Мною, уже ранее очистила её от прежних пятен. Я это совершаю особым образом, когда мое соединение с тобой осуществляется в св. Причастии, когда ты действительно преобразяешься во Мне, и когда происходят чрезвычайные вещи, которые ты не можешь понять.

Дочь, когда Я был в мире, лишь прикосновение к моей одежде исцеляло больных; после одного смиренного взгляда на Меня грешники получали прощение своих вин и наказаний за грехи. Не кажется ли тебе, что когда Я вхожу в сердца моих возлюбленных душ, которые с любовью и смирением желают Меня и хотят соединиться со Мною, тогда перед приближением их к моим устам, Я сначала очищаю их огнем моей любви? Таким образом, мой Божий блеск уничтожает пятна, которые душа невольно приобрела из-за своей слабости.

Когда принимаешь Меня в св. Причастии, прими одновременно в моем Сердце крещальную одежду вместе с моей кровью, и будь уверена, что всегда, когда пребываешь со Мною в любовном соединении, не будешь иной, как только прекрасной и чистой» (Беседы, 2; Антология, 70)

Соединение в любви с Иисусом, очищение любовью, преобразование в любви, вот характеристика того Причащения, которое каждый день удивительным образом испытывает Мария Челесте.

«Господь начал обильно изливать на меня потоки благодати и милосердия, а самым драгоценным даром было для меня св. Причастие, которое по повелению духовного отца я могла принимать ежедневно. Во время св. Причастия я чувствовала, что Господь наш Иисус Христос преобразяет меня в себя самого. Тогда Он сам, в Божьем свете, отпечатывал в моей душе все добродетели своей пресвятой жизни. Все это наполняло меня огромной радостью» (Автобиография I, 18; Антология 69).

По случаю Евхаристического 2005 года Иоанн Павел II пригласил нас к повторному открытию, одновременно, и Таинства Евхаристии и смирения Иисуса Христа: «В Евхаристии... слава Христова сокрыта. Евхаристическое Таинство это «тайна веры» в высочайшей степени. Тем не менее, именно посредством тайны Его полной сокровенности Христос становится тайной света, благодаря которой верующий вводится в глубины божественной жизни. И не счастливой ли интуиции мы обязаны тем, что знаменитая икона Троицы Рублева знаменательным образом уместяет Евхаристию в центре жизни триединого Бога («Останься с нами, Господи» - Mane nobiscum, Domine, 11).

То, о чем говорит Папа в нашей эпохе, это же самое испытала когда-то Мария Челесте. Она сама объясняет это такими словами: Иисус, чтобы нас преобразить в Себя, установил

Евхаристию:

«Захотел установить Пресвятое Таинство Евхаристии – эту чудесную и исключительную инвенцию Божьей любви, о которой не возможно думать без удивления. Кто может высказать это унижение и это укрытие Бога, которое является таким непонятным проявлением Божьей любви: Он захотел унижить себя и сделать Себя самого пищей человека, пищей субстанциальной, реальной и Божьей.

Все это Он сделал только для того, чтобы человека переменить в Бога и передать ему свои совершенства, чтобы человек мог кормиться пищей жизни» (Дух института, Антология 9).

В эпоху янсенизма, ригоризма и всяких ошибок (с которыми всю жизнь боролся св. Альфонс) этот ее текст является очень смелым и глубоким. Мария Челесте часто возвращается к теме преобразования человека во время св. Причастия. По ее мнению это момент чудесного обожествления:

«Это происходит не так как с другой пищей, которой мы кормимся, и которая переменяется в наше тело. Эта небесная и духовная Пицца делает, что мы преобразуемся в Его Божье существо. Он своею Божией силой преобразует нас в Себя самого» (Садик, 4 июня).

Но Мария Челесте не наивна. Она осознает опасность поверхностных евхаристических богослужений, причастий, переживаемых в рассеянности, когда нам не хватает живой веры. Поэтому решительно приглашает всех, кто причащается, к обновлению живой веры в Бога любви, который выходит нам на встречу.

«Не все души испытывают чудесные следствия Божьего таинства, но только те, которые имеют живую веру... Мы каждый день видим большое число душ приступающих к алтарю, также много духовных лиц кормится часто Божьим хлебом с неба, но очень немного тех, кто идет по следам Спасителя» (Садик, 3 июня).

Можно сказать, что Мария Челесте с усердием призывает монахинь своего Ордена и христиан всех времен к соединению с Господом в глубокой вере и смелости. Евхаристия соединяет нас самих с Богом и преобразует ради того, чтобы мы помогли измениться всему миру. Св. Причастие, утверждает Мария Челесте, не приводит верующего к изоляции, но к сотрудничеству с Иисусом Спасителем ради спасения всего мира. Именно этот призыв направлял к ней Господь с самого детства.

«Подражай моей жизни и делай все в соединении с делами моей жизни» (Автобиография I, 2).

А мы сегодня?

Осознаю ли я, что Господь через молитву и Евхаристию одаривает меня своим прощением? Он сам нам его дарует, не ожидая нашей просьбы. Нам, как и Марии Челесте, не перестает обещать: *«Я омою тебя и очищу тебя от всех твоих грехов»*. Ожидает лишь нашего искреннего согласия: нашего покаяние и желания обращения. Осознаем ли мы наши грехи и желаем ли принять Его прощение?

А может, приходя на Евхаристию, мы удовлетворяемся быть лишь зрителями священной литургии, а не ее живыми участниками, которые кормятся Божьим Словом? Действительно ли мы участники, которые позволяют преобразовать себя этой субстанциальной пищей, Хлебом жизни, Словом Бога и позволяют обожествить себя Телом Христа? Действительно ли мы участники, которые чувствуют себя счастливыми, ибо могут продолжать миссию Спасителя, становясь свидетелями Евангелия в сегодняшнем мире?

Молимся с Марией Челесте

*О Слово бесконечной Мудрости,
когда мое сердце будет способно
решительно следовать правде твоего Духа?
Я теперь стою перед Тобой, как будто онемела,
полная стыда, так для меня ценного.*

*Перед твоим обликом самым лучшим
является для меня молчание.
Твоя правда осуждает все мое неведение, но не потому,
чтобы меня пристыдить,
но ради того, чтобы меня спасти.
Кажется мне, что я поступаю как змея,
которая не умеет иначе ходить,
как только ползая по земле.
Или я как ящерица,
выползающая из своей норы на солнце,
когда останавливаюсь на том, что земное,
и так «разогреваю» мои похоти и дурные склонности,
движимая желанием тепла самолюбия.
Господь моей души,
Ты меня одариваешь милосердием без меры (Беседы, 4).*

ЖИВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МОЕГО СЫНА

«Чтобы мои творения помнили о предвечной любви, которой Я их возлюбил, Мне понравилось избрать этот Институт, чтобы был для всех людей мира живой памятью того, что мой Сын Единородный изволил сделать для их спасения, когда тридцать три года жил в мире...

Затем запечатлейте в вашем духе Его жизнь и подражайте Ему, уподобляясь Ему действительно. Будьте на земле живыми изображениями (иконами) моего Возлюбленного Сына. Только Он есть ваша Глава и ваше Начало (Антология 1, Замысел Предвечного Отца).

Живые изображения моего Сына... живой памятью того, что мой Сын Единородный изволил сделать... Эти слова находятся на первой странице Устава нового института. Много раз их можно найти в трудах, касающихся этого института. Они подчеркивают новаторский аспект подражания Христу. В эпоху, в которую многие люди считали, что подражать - это копировать добродетели Иисуса, Мария Челесте обращает внимание на евангельские корни этого подражания и на его глобальный характер. Иначе говоря, для неё дело заключается не в том, чтобы точно копировать добродетели Христа, одну за другой, но чтобы проникнуть в Его способ поведения и действия, и соединиться с Ним, чтобы поступать как Он и чтобы Он преобразил наш способ видения, слушания Его наставлений, принятия Его любви и в конце - быть Его живым образом, «живой памятью возлюбленного Сына Отца».

Более того, Мария Челесте понимает это подражание не как индивидуальное, но как общественное. Это общее действие с Церковью, чтобы олицетворять Христа, указывая Его любовь ради спасения всех людей. Говоря иначе - это не бегство от мира, но забота о его спасении. Таким образом, в эпоху, когда большинство христиан принимало монашество, желая своего личного освящения, Мария Челесте подчеркивает, что в орден поступают ради евангелизации мира, как напомнил об этом несколько столетий позже II Ватиканский собор. К такому подражанию Иисус неустанно приглашает Марию Челесте.

«Дочь, Я буду лампадой для твоих деяний, а твоя душа будет кормиться пищей вечной жизни, которая находится в делах моей жизни, совершенных Мною, когда Я был на земле человеком путником. Это дух Института: быть живой памятью и подражать Мне, так как бы Я жил среди вас.

Ваша жизнь, ваше созерцание состоит в исполнении того, что сделала Магдалина. Блаженны будут те монахини, которые, пребывая в любовном бодрствовании, в каждый момент будут моей памятью. Их обителью будут мои дела, моя жизнь. Каждая из них - это возлюбленная голубка, строящая гнездо в углублениях Краеугольного Камня, где не достигнет ее адская птица, желающая ее пожрать.

Теперь повелеваю тебе, дочь, чтобы ты писала обо Мне, и чтобы каждый увидел свет, благодать и добро, которые ты получила от Меня - своего Источника. Чтобы каждый знал знак, позволяющий распознать ему дочерей моего института: выполнение этих упражнений, через которые будете моей живой памятью. На двух фундаментах основан устав, принятый вами: на моей жизни, то есть на смирении и любви» (Беседы 9; Антология, 8).

Суть духовности Марии Челесте - это Евангелие, Благая Весть о Боге любви. Поэтому надо смотреть на Христа. Он объявляет настоящий облик Бога, который одновременно и Отец и Мать, бесконечно расточительный в любви ко всем, который каждому хочет простить и каждого привести к возвышению, особенно бедного и малого. Мария Челесте пишет о таких, ей вверенных, желаниях Иисуса:

«Моим пришествием на землю, мою жизнь Я показал, что отвергаю все, что ты любила, а чего Я, по природе, любить не мог. Ненависть к человеческим почестям Я предъявил через рождение на этой земле в нищете, в бедном и никому неизвестном хлебе, из которого, сразу после рождения, Я был вынужден уйти и обратиться в бегство из-за преследования людей. Ненависть к богатству Я показал, живя в крайнем убожестве: Я жил в мире как нищий, лишенный дома, странствующий с места на место, преследованный и

осужденный большинством людей. Я полюбил унижение, живя и разговаривая с бедными и простыми людьми, а также глупцами и грешниками. Чудом всемогущества я скрыл свое Божество, чтобы избежать почестей, которые люди так ценят.

Я осудил пышную пищу, кормясь скромной едой. Я одевался убого, принимая всякое неудобство. Я босиком делал длинные путешествия, Я переносил остроту солнца и холода, всякие неудобства и труды, любое человеческое страдание. Все это во славу моего отца и для того, чтобы спасти людей.

В итоге, как вознаграждение за всякое добро и даже чудеса, Мне был приготовлен крест, терновой венец, бичевание, гвозди и желчь. Я был высмеян, оскорблен, прибит к кресту, проклят, полон страдания и боли, без какого-либо утешения и помощи. И так, истощенный, в полном отвержении, Я умер на кресте. Но перед смертью Я молился и глазами, полными милосердия, Я смотрел на всех, кто Меня обидел и привел к распятию.

Увидь в этом, как Я возлюбил и принял на себя все, чем ты гнушалась, и как Я возненавидел и осудил все, что ты любила» (Беседы, 8).

Иисус шокировал Марию Челесте такими словами. Но она, благодаря этому открыла, что никто не смирен более чем Бог. Господь испытал истощение и смерть, чтобы показать нам свою любовь. Мария Челесте хочет Ему подражать и нас приглашает идти тем же путем. Но - как особо выделяет о. Сабатино Майорано - мы не должны акцентировать «примеров Христа, но Его как пример». Мария Челесте в этом убеждена. Во всех своих трудах помнит об этом. Пишет, что к жизненному соединению с Иисусом можно особенно дойти в Евхаристии:

«В одном моменте душа проникает в Него и соединяется с Ним в Его страданиях и радостях. Исполненная интенсивной любви, большой радости и одновременно окруженная страданиями и мукой так, как Распятый. Ибо Его подобие оттискивается в человеке, как печать в мягком воске.

Наиболее часто она одарена такой молитвой после св. Причастия, но ее плоды хранятся в ней в течение целого дня до следующей Евхаристии. И Господь потом много раз возобновляет эту благодать, согласно своему благоволению» (Ступени молитвы, 11).

Мы в жизни и в письмах Марии Челесте видим эту пасхальную интуицию, которая появляется также в апостольском обращении Иоанна Павла II 25 марта 1996 года, в котором он пишет о посвященной жизни: «Воистину посвященная жизнь являет собою живую память об образе существования и действий Иисуса как Воплощенного Слова по отношению к Отцу и братьям» (Vita consacrata, 22).

А мы сегодня?

Когда молимся, обращаемся ли в молитве к Богу как к какому-то значительному лицу, по мере великих этого мира, или хотим беседовать со смиренным Богом, таким, каким является в Евангелии?

Подобно св. Игнатию Антиохийскому, Иринею Лионскому и другим отцам Церкви, Мария Челесте верила, что «Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом». Верим ли мы в этот замысел Отца об обожествлении каждого христианина?

Поняли ли мы, что призыв Бога Отца, чтобы стать живым изображением Его Сына, обращен не только к монахиням и миссионерам, но ко всем христианам? Все призваны, чтобы быть живыми изображениями Христа и живой памятью того, что Он сделал для людей. Почему? Потому что большинство людей, которые нас окружают, не приходят в Церковь ради того, чтобы читать четыре Евангелия Нового Завета, но, прежде всего потому, чтобы читать пятое Евангелие, которое мы пишем день за днем, индивидуально и общественно, словами, действиями и нашей жизнью.

Попросим Господа, чтобы посылал нам своего Духа, и чтобы наше пятое Евангелие соответствовало Евангелию Иисуса, которое Он сам написал, прожив тридцать три года на земле.

Молимся с Марией Челесте

Отец Святой,

Ты возлюбил меня и посвятил тому, чтобы я жил любовью, следуя за Иисусом Испытателем, который хочет, чтобы я отрекался от всего, что не является добродетелью и благом.

Изливай на меня Твоего Духа, и содейлай, чтобы я через Его дары смог поверить и делать все, что становится служением миру и Церкви...

Одень меня в красоту Христа, чтобы я мог явить Тебя всем. Пусть все, кто приближается к Тебе, чувствуют Твое присутствие и приобретут упование, свет и истинную уверенность.

Я на Тебя уповаю и тебе поручаюсь. Аминь

(VM, 20, 15)

КАКИЕ СОКРОВИЩА НАХОДЯТСЯ В КРЕСТЕ!

«Какие сокровища находятся в кресте!... Поэтому, пребывая неподвижно на кресте, молчи молчанием всех твоих чувств и всех твоих властей; смотри взглядом любви только на Меня, распятого в тебе. Тогда всегда будешь Меня видеть, потому что Я имею благоволение в тебе, так как и Отец мой имеет благоволение во Мне. Таким образом, ты еще почувствуешь сладость Его бесконечного благоволения и, благодаря Ему, поймешь вещи тайные и неизвестные миру» (Беседы, 9).

Какие сокровища находятся в кресте! Наверно, эти слова о кресте могут звучать несколько ужасно. Для греко-римской цивилизации позором являлось его использование в правосудии. И это хорошо понимала Мария Челесте. Она не ищет страдания и не находит в нем благоволения, но открывает проявление невыразимой и величайшей любви Бога к людям: пасхальную тайну. Не пользуется таким названием, малоизвестным в ее эпоху, но открывает неотъемлемую действительность смерти и воскресения Иисуса. Это переход через страдание и смерть, чтобы войти в Божью славу, переход, который является дорогой к нашему обожествлению. Поэтому с таким большим вниманием она принимает слова Спасителя:

«Заметь ценность сокровища, которое Я тебе открываю в кресте; здесь заключается вечная хвала. Мои слуги, настоящие и верные, плакали и вздыхали день и ночь, чтобы Я сделал их достойными моего Царства креста. А что ты сделаешь за столько благ, которыми Я тебя одариваю? Из-за своих грехов ты не заслужила этих сокровищ, которые Я тебе открываю. Благодарю меня за это великое благо, и всегда помни, что твоя душа не заслуживает сокровищ моего Царства креста. Это плод, который Я дарую только моим друзьям.

Размышляй об этом день и ночь, желая видеть себя на кресте вместе со Мной, распяв в себе самолюбие, желание уважения и удовольствия» (Беседы, 8; Антология, 122).

На кресте вместе со Мной... Иисус настаивает. Напоминает Марии Челесте важность Его страданий ради спасения мира и по-дружески приглашает ее принять дар распятия вместе с Ним:

«Слушай Меня всегда с Кафедры Креста, который я поместил в твоём сердце, чтобы Я жил в жизни этого странствующего мира, распятый в тебе. Тогда ты увидишь Меня распятого в твоём человечестве, распятого в наготе креста убожества, распятого в твоём теле слабостью и хрупкостью, распятого в душе сухостью, оставлением, подавленностью, утомлением и лишением всякого человеческого утешения. Я сделаю так, что любая вещь будет для тебя одновременно и крестом и покоем, как и для Меня, когда Я жил в мире» (Беседы, 9; Антология, 125).

Эта перспектива не приводит в ужас Марию Челесте. Напротив, она убеждена, что Тот, кто так ей говорит, действительно её любит. Это Господь, который говорил раньше через пророка: «Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему... Так как ты дорог в очах моих... Я возлюбил тебя (Из 43, 1-4). И вот почему, слыша приглашение Иисуса, Мария Челесте отвечает со смирением и энтузиазмом:

«Возлюбленный Жених моей души, так огромно твое величие и твоя доброта как огромна моя слабость и нищета. Я могу это увидеть и понять благодаря чистоте и правде твоего Божьего света, мой Господь. В Тебе прозрачным становится каждое мое благо, ибо, когда Ты меня посещаешь, лишаешь меня благоволения, исходящего из чувственного утешения, и оставляешь меня в чистоте, вытекающей из любви. Если я падаю из-за моей слабости и нищеты, Ты помогаешь мне, пробуждая во мне живое упование на Тебя, и, таким образом, подаешь мне любящую руку; смотришь на меня глазами Божьей кротости, и я возвращаюсь к моему Благу. Если Ты печалишь меня муками, преследованием и страданием от людей, в то же время в моем сердце голосом правды укрепляешь меня и поднимаешь мой дух в страдании, напоминая, что похожей была твоя жизнь в этом мире, чтобы исполнить волю Отца.

Так я понимаю, что в этом заключаются дела бесконечной мудрости, касающиеся ценности и значения Божьей воли; можно сказать, что там скрыто счастье рая, и что я, таким образом, вхожу в вечную славу» (Беседы, 9; Антология, 124).

Я, таким образом, вхожу в вечную славу... Духовность Марии Челесте является, бесспорно, духовностью пасхальной: она не отделяет креста Иисуса от славы Его воскресения. У подножия кафедры креста она слушает Распятого. Созерцает Его, соединяется с Ним особенно во время св. Причастия, но верит, что Распятый является одновременно Воскресшим, который «носит знаки гвоздей». Прочитаем еще раз этот фрагмент Устава, который она написала для своих сестер. Разве это не приглашение к медитации и переживанию пасхальной тайны во всем радикализме муки и воскресения Христа?

«Каждая монахиня этого Института должна знать, что не была избрана Богом для другой цели, кроме той, чтобы умереть для собственной воли. Она отрекается от неё обетом послушания, когда приносит святые обеты. Тогда она «хоронит себя в земле», в знак истощения всех «имений» своей воли. Признает таким образом, что она уже «похоронена» во Христе и что умирает в ней ветхий человек во всех проявлениях его жизни. Потом (во время церемонии обетов) она поднимается, и тогда священник говорит, что она воскресла во Христе и приобрела жизнь в Боге потому что, похоронив в себе ветхого человека, она выбрала путь не по телу и его желаниям, но по духу Иисуса Христа. Тогда говорит: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Фил 1, 21) (Дух Института, Антология, 9).

Наверное, такой обряд приношения обетов общий для многих орденов, но Мария Челесте подчеркивает его пасхальное измерение. По ее мнению в орден вступают ради того, чтобы любить Господа и всех братьев и сестер, даже до той степени, чтобы пожертвовать свою жизнь и, таким образом, воскреснуть к новой жизни, что значит - прийти к собственному воскресению и всего мира вместе с Иисусом Спасителем.

А мы сегодня?

Часто большинство из нас напоминает апостолов в час муки Христа: сопутствовали Ему на путях Палестины, но в час страдания и креста сбежали. А именно этот час самый важный, это решающий час: вершина любви. В противоположность им при Иисусе остались Мария, Иоанн и несколько женщин. Хотим ли и мы к ним присоединиться?

Крестов хватает в нашей жизни: но стараемся ли мы узнать их ценность и соединить их во время Евхаристии с пасхальной тайной Христа, которая преображает нашу жизнь креста в жизнь воскресения, или – коротко – нашу дорогу креста в дорогу славы, славы для нас и для всего мира, через любовь - как поступили Мария Челесте и многие святые в течение истории, а, прежде всего, как сделала Мария, Матерь Иисуса и наша Матерь, пребывая у подножия креста?

Молимся с Марией Челесте

*Вот я, готов, Господь мой,
Сделай из моей воли и моей жизни все, что Тебе угодно.*

Для меня, только Ты, мой Иисус, - свет и жизнь.

Бесконечная твоя красота, которую я вижу на вершине Голгофы...

Казалось мне, что я вижу под твоим крестом большое количество крови, которая создавала будто реку.

Показывались в ней мелкие, нежные растения, свежие цветы и другие творения...

О, моя Любовь, подготовь мне место среди этих цветов и растений, чтобы я переживала мою жизнь в близости Голгофы и креста... Чтобы Тебе нравиться, о хороший Повелитель, дай мне еще любовь терпеливую и чистую, чтобы я была верна Тебе; и чтобы все дни, которые мне еще остались, я пережила на этой золотой горе чистой любви, ибо Ты там есть, прекрасный Жених моего сердца, полностью истощенный из любви ко мне, отданный жестокой смерти, которая не насытила твоей любви.

(Духовные упражнения, 2)

ЧЕМ ВЫШЕ ПОДНИМЕТСЯ ПТИЦА

«Чем выше поднимется птица над землю, чтобы порхать на высотах, тем более входит в чистый воздух и находит большую уверенность, что там не достигнут ее руки охотника. Итак, она тем более в безопасности, чем выше поднимется в полете. Также и христианская душа: и она тем более в безопасности и свободна от всякого хищника, чем выше поднимется в полете созерцания в чистый воздух, который находится под небом моего Божества» (Беседы, 4; Антология, 85).

Мария Челесте не хочет какой-то посредственной духовности «со скидкой». Когда пишет Устав для нового института, который Господь захотел основать при помощи её и её друга св. Альфонса, приглашает монахинь не столько к скрупулезному исполнению маленьких набожностей или чтению длинных формул молитв, но к вознесению духа к созерцанию Бога Иисуса Христа, Бога Отца, в единстве с Его Сыном и Святым Духом - к созерцанию Святой Троицы. С первой страницы Устава Мария Челесте представляет замысел Бога ради спасения мира: «Замысел Предвечного Отца»:

«Очень желал Я дать миру моего Духа и передать Его моим разумным творениям, чтобы Я жил с ними и в них до скончания мира.

Из безграничной любви Я дал им моего Единородного Сына и через Него Я передал им моего Божьего Духа Утешителя, чтобы их обожествить в жизни, справедливости и истине, чтобы с благоволением обнять их всех в Слове – Сыне любви» (Антология, 1).

Очень желал Я дать миру моего Духа ... Я передал им моего Божьего Духа Утешителя, чтобы их обожествить в жизни... Бог Марии Челесте – это Бог, принимающий инициативу, который одаривает первым. Почему? Чтобы обожествить человеческие существа. Этот замысел Отца является центральной идеей у Марии Челесте. Она этим присоединяется к мысли Отцов Церкви, Ириней и Игнатия Антиохийского, которые часто повторяют, что «Бог потому стал человеком, чтобы человек мог стать богом». Видим, что духовность Марии Челесте глубоко тринитарная, ставящая в центре Христа и Его пасхальную тайну. В сущности, через Христа, Бог стал человеком, умер из великой любви и воскрес, как настоящий Бог... Мария Челесте часто возвращается к этой теме в своих трудах:

«Любовь моя, Бог моего сердца! Ты - существование, жизнь и блаженство небес, всех справедливых и всех чистейших духов, ибо в Тебе они имеют жизнь и свет хвалы...

Смотрю на небо и всматриваюсь в звезды - Ты - их свет и блеск, Ты - их красота и в Тебе существуют. Смотрю на солнце и луну, и Ты - их блеск, существование, жизнь.

Смотрю на море; голос вод и шорох волн – это пение радостного прославления для ушей моей души, ибо в них Ты являешься жизнью и мудростью.

Смотрю на землю, травы, цветы и плоды – чувствую в них твой запах.

Сладкое пение птиц радует мои уши - Ты Боже являешься наиболее тонкой музыкой во всех этих созданиях.

Все, что прекрасно и достойно восхищения в окружающем меня мире, позволяет мне заметить Божью красоту, исходящую от Тебя, который являешься жизнью любви, пищей моей жизни» (Садик, 10 января).

Слово Бога... Очередной раз доходит к нам эхо Евангелия св. Иоанна, где слово «Бог», как и в других частях Библии, дополняется словом «Отец», ибо представляет Божье Лицо, а не Божью природу в общем. «В начале было Слово, и Слово было у Бога (Отца), и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога (Отца). Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть... В Нем была жизнь...» (Ин 1,1-5).

Этого Сына Отца Мария Челесте принимает с радостью во время Евхаристии. Это для неё возможность открывать, что Иисус - Гостия приносит ей дар Святого Духа:

«Этим утром в день Сошествия Святого Духа 1738 года, мне казалось, что Ты, Слово Божие, после св. Причастия, вошел в меня. Твой Божий Дух проник в мою душу как самая крепкая стрела, как молния света. Тогда я осознала, что в Тебе, Слово Отца, мне был дан Дух Правды, который я получила в сердце как стрелу, наиболее сладкую молнию огня, ибо она

сожгла во мне всякое зло и позволила мне увидеть саму себя, как будто двухлетнего ребенка, в твоём сердце.

О, самый милый мой Возлюбленный, я никогда не смогу выразить, чем Ты являешься! Сокровищем, которому нет цены; богатством, которое не имеет конца; красотой, которая не имеет равной себе» (Беседы, 9).

А мы сегодня?

Когда молимся словами «Отче наш», думаем ли мы о Боге Отце, который Любовь, только Любовь? Это Бог Отец послал Своего Сына на землю, чтобы мы могли открыть Его любовь и узреть Бога. «Видевший Меня, видел Отца» (Ин 14, 9) - сказал Иисус неверному Фоме.

Думаем ли мы о замысле Отца, об этом плане спасения, преображения человечества, его вечного обожествления по образу нового Человека, Христа во славе воскресения?

Когда говорим: «Отче наш...», «Да будет воля Твоя», останавливаемся мы на зле, которое может с нами случиться или помним о плане Отца, о великом благе заключенным в нем для нас, и молимся ли мы о триумфе Его любви в нас и среди нас?

Принимая Евхаристию, осознаем ли мы, что это дар Отца? Принимаем ли мы дар Сына, Святого Духа, который снисходит на нас как в Пятидесятницу, чтобы разжечь в нас любовь Бога ко всем людям?

Молимся с Марией Челесте

Предвечный Отец, мой Бог, Истина по своей природе, Святость бесконечная, покажи мне Твоего Сына, Премудрость предвечную, в котором Твое благоволение в вечном блаженстве, чтобы я через Него приобрела Тебя, Отец Пресвятой: дабы я любила Тебя любовью бесконечной и вечной; дабы Он мне Тебя объявил и дабы Я познала Тебя истинно; дабы я могла любить Тебя так, как Ты хочешь быть любимым и как позволяешь мне Тебя любить.

Он является непроницаемым светом, в котором я безошибочно вижу всякий свет знания. Он – свет, к которому не может приблизиться никакая тьма и который освещает все мое неведение.

Предвечный Отец, мой Бог, дай мне Твоего Сына, Твое Слово, который искупил меня, в котором вся моя надежда. Тебя жаждет моя душа и мое тело. Днем и ночью призываю Тебя тихим голосом.

Дай мне Того, которого люблю, на которого возлагаю мою надежду, дай мне Того, который вся моя жизнь. Дай мне мою Награду, все мое Добро, мое Спасение, мой Мир, мою подлинную и вечную Уверенность!

(Беседы, 9; Антология, 41).

БЛАЖЕННАЯ ТРОИЦА

«Человек "входит" в Слово Бога, все его власти в чистое существование Блаженной Троицы, где пребывают между Отцом и Сыном в дуновении Святого Духа. Теряет при этом всякое природное сознание. Пребывая в чистой истине, он пылает живым огнем любви, будучи пламенем жизни вечной... Не совершается здесь ничто другое, как только «любовь той любовью», которую Отец любит Слово в Святом Духе и Слово любит Отца в его вечной радости» (Ступени молитвы, 10).

Для Марии Челесте Бог – это огонь. Но огонь, похожий на несгораемый куст, который созерцал Моисей, куст, который горел, но не сгорал (ср. Исх. 3, 2). Так и Святая Троица пылает огнем любви, огнем счастья и радости, который вечен и который является источником счастья для всех тех, кто верит в этого Бога любви, пылающего желанием соединиться с каждым из нас.

О Господь мой, каким великим благом является для души состояние настоящего единства с Богом в Пресвятом Таинстве Алтаря, в котором она достигает преображения в Бога и получает пречистое Божье дуновение – Святого Духа, будучи дуновением Отца и Сына, в совершенном единстве Трех Лиц... Питаюсь в Божьем Таинстве Словом Бога, которое стало телом (в ипостатическом единстве Иисуса со Словом), душа участвует в чудесном единстве Пресвятой души Иисуса с Богом, где кормится телом Человека - Бога. Этим реальным единством Отца, Сына и Святого Духа, которое совершается в пресвятой душе Иисуса - нашей Главе, одарена также душа-невеста Иисуса Христа в Божьем Таинстве. Происходит это силой слов самого Иисуса: «Ядущий Меня, жить будет Мною» (Ин 6, 57) (Садик, 4 июня).

Ядущий Меня, жить будет Мною... Мария Челесте постоянно старается углублять значение этого слова. Чрезвычайного слова. Оно сжигает ее сердце. В момент Евхаристии Мария Челесте открывает чудесные блески любви и радости, которые соединяют Три Лица Блаженной Троицы и соединяют её с Ними при посредничестве Иисуса:

«Когда смотрю на Тебя, мой Иисус, вижу просвечивающую через Тебя всю красоту Божьих атрибутов в существе и единстве блаженной Троицы. Вижу вечное наслаждение, которое делает счастливым моего Бога в Нём самом. В Тебе открываю любовь, которую Ты любишь бесконечно все создания. В Тебе нахожу все любящие Тебя сердца, которые были, есть и будут. В Тебе вижу всех блаженных неба - они все, благодаря жизни любовью, отдыхают в твоём сердце и испытывают счастье. В Тебе открываю также все создания неба и земли, во множестве всякого рода созданий. В Тебе нахожу святость всех святых... Все это твой Отец сложил в Тебе, Любовь моя, чтобы только Ты был Его Дарителем. В Тебе также нахожу все совершенство, которое своею гармонией свидетельствует о твоём величии.

Всякие блага были положены в ковчеге твоего святого Человечества, через которое просвечивают, как через блестящий кристалл, как эти сокровища, так и твоя красота, а еще более обильная благодать, которой оно было обогащено Богом Отцом. Нет у Него никакого пятна, ни порока, поэтому я сравниваю Его с прозрачным кристаллом... Притягивают мое сердце к Его любви; я не могу уже не любить мое Солнце в Ковчеге ни Ковчеге, окружающего мое Солнце» (Беседы, 9).

Это не ученые выдумки на тему тайны Святой Троицы. Мария Челесте наслаждается любовью Трех. Для неё Христос всегда находится в центре внимания, но она одновременно созерцает Его человечество и Его божество, никогда не отделяя их от себя. Для неё, человечество Христа – это «открытые ворота, через которые она входит в Бога», а, прежде всего, испытывает это во время Евхаристии:

«Когда я пребывала перед моим Господом, чтобы поручить Ему дела ближнего, милостивый Божий Отец, мой Бог, объявил себя в свете моей души и сказал мне:

«Оставь Мне, твоему Отцу, заботу обо всех твоих делах и о тебе самой. Я - твой Отец, все, что хочешь, дам тебе».

Кроме того, объявились мне в духе три Божьи Лица. Отец, мой Бог, принял меня навеки как свою дочь и дал мне самый богатый наряд, который покрыл меня всю, и это была Его Божья воля. Он захотел, чтобы она меня одевала, как Его истинную дочь. Потом возлюбленное Слово Отца объявило мне со сладкой любовью, что я Его невеста на веки. Он одарил меня красивейшим кольцом и маленьким золотым крестом, полностью украшенным благородными камнями, столь нарядным и красивым, что невозможно этого выразить. Это кольцо было похоже на алмаз, состоящий из трех камней осаженных также в трех углах, хотя казалось, что все они были одним камнем. Оно обозначало мою верность Жениху до смерти, проявляющуюся во всех моих действиях. Крест же имел пять больших рубинов, а покрывающее его золото сверкало, будто лучами света. Освященные этими лучами рубины блестели как огонь. Святой Дух был тем, кто меня украшал и совершал все это дело» (Беседы, 9; Антология, 66).

Во всей своей жизни, Мария Челесте всегда более глубоко переживала тайну блаженной Троицы, ибо тот Бог, которого она так горячо любила, не был для неё неопределенным «хорошим Богом», кем-то одиноким в мире, но «Единством любви» (Communio) между Отцом, Сыном и Святым Духом. Она не только восхищается этим единством любви, но также в нем участвует. И это осуществляется, прежде всего, во время Евхаристии. Однажды она слышит, как Отец обращается к ней: *«Я создал тебя из моей субстанции, по любви избрания»*. А она восклицает:

«Эти слова, о Божий Отец, которые ты сказал мне после св. Причастия. Я увидела тогда мою жизнь в твоём Слове, которое является твоей и моей субстанцией вечной радости и любви. Ты высказал еще другие слова: «Я являюсь твоим небом» (Духовные упражнения, 8).

А мы сегодня?

Чем является для нас блаженная Троица: интеллектуальной проблемой, темой для размышлений, или чудесной встречей с Отцом, Сыном и Святым Духом, в их единстве любви, особенно во время Евхаристии?

Готовы ли мы, чтобы Христос повел нас на эту встречу, осознавая одновременно, что Он присутствующий, и не рядом с нами, но в нас?

Осознаем ли мы, что Он одаривает нас участием вместе с Собой в настоящем счастье, счастье Бога, счастье, которое никогда не кончится.

Решаемся ли мы ревностно идти путем любви, намеченным Иисусом Спасителем: путем Пасхи, через смерть на кресте, чтобы достичь к радости, к славе вечной Жизни в единстве Бога Отца, через Христа в Святом Духе?

Молимся с Марией Челесте

Слово Человек Бог, в этом Хлебе пресном и чистом твоего непорочного Тела душа моя возвращается к Тебе, и Ты кормишь меня твоею любовью, когда я питаюсь твоим Телом и пресным Хлебом жизни (...).

Теперь, когда святое человечество, соединенное со Словом Богом, уже прославлено, Его нерушимое Тело, также прославленное, пожертвованное один раз за меня, как жертва любви Отцу, приносит мне воскресение и вечную жизнь в Боге. Вот новый день, который делает меня беспрестанно счастливой в вечности.

Да, мой Возлюбленный, я хочу выпить этой крови столь много, чтобы душа моя насытилась твоею Божьей любовью, и чтобы я больше не принадлежала ни себе самой, ни сотворениям, но, упоенная твоею Божьей любовью, питалась только Тобой, Словом Человеком Богом, моей единственной Жизнью

(Антология, 76).

ИМЯ ИИСУСА

«Когда кто-то высказывал сладкое имя Иисуса, мое сердце пронзала любовь, и меня охватывало внутреннее сосредоточение, из-за которого я отстранялась от разговоров с людьми. Затем, столько, сколько я могла, я оставалась в келье, радуясь присутствию моего Возлюбленного. Ты, Возлюбленное Слово, короткими словами питал меня горячей любовью и позволял радоваться Божьей чистоте. Будучи в моем сердце, Ты делал его своей обителью, и, в то же время, Ты одаривал меня Твоим Божьим наставлением» (Автобиография I,10).

Имя Иисуса чрезвычайно трогало сердце Марии Челесте. Это можно лучше понять, когда вспомним этимологию слова: слово «Иисус», которое происходит от древнееврейского «Иешуа», значит - Бог спасает, или просто - Спаситель. Если хотим дойти до значения этого слова, надо узнать его арамейское значение и избрать между двумя словами: Спаситель или Иисус. Иисус – это звонкое отражение Иешуа, и имеет то же самое значение - Спаситель. Привязанность Марии Челесте к этому слову выражается в первом названии института: Орден Пресвятого Спасителя и Конгрегация Пресвятого Спасителя.

«Спаситель» - слово полное надежды. Это имя, избранное Отцом для своего Сына, слово, которое стало телом в чреве Девы Марии. Ангел был послан Богом, чтобы объявить Иосифу: «Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына, и наречешь Ему имя: Иисус, ибо Он спасет людей своих от грехов их» (Мт 1, 20-21).

Вот почему 20 января 1732 года в праздник Имени Иисуса, Мария Челесте во время св. Причастия воскликнула от радости:

«В день, в который Церковь чтит твое Пресвятое Имя, столь достойное прославления, Ты внезапно одарил меня любовью, пожирившей мою душу, такой большой, что мне казалось, как будто я могу вся расплыться от любви к красоте твоего имени; Имя столь красивое, столь сладкое, столь дорогое, столь великое, столь полное благ, столь достойное любви, столь удивительное и Божье!» (Беседы, 9).

В «Песни Богородицы» Мария не поет ни по-латыни, ни по-гречески, но на арамейском языке, близком древнееврейскому: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой в Боге, Спасителе моём», что можно перевести: «Возрадовался дух мой в Боге, Иисусе моем». Помня об этом, можем понять чувства Марии Челесте и многих мистиков, которые произносили или слышали имя Иисуса. Ибо для них всех это имя не напоминает лишь какую-то идею, ни образ, но живое, присутствующее Лицо, самого хорошего Друга, Божьего Друга. Это сам Иисус, Воскресший, со следами гвоздей, обращается к каждому из нас, как к Марии Магдалине в Пасхальное утро:

«Желая что-то сказать об этой любовной ране, сделанной мне Божьим Словом, начну именно с описания силы Имени самого Иисуса, столь достойного прославления. Часто это происходит таким образом: в момент, когда человек, захваченный каким-то действием, когда что-то читает или молится, и, когда случайно в его присутствии произносится сладкое имя Иисуса, он внезапно осознает, что, как будто, был проникнут могучей любовной стрелой; так что в этот момент он теряет дыхание и ему даже трудно сказать, испытывает он любовь или боль. В один момент эта стрела проникает внутрь его и разжигает его душу раскаленным огнем любви. Тогда все кажется ему одновременно и сладкою болью и любовью. Он весь сосредотачивается и концентрируется на своем Боге. Тогда появляется вид молитвы, которую можно назвать погружением в Бога» (Ступени молитвы, 8).

Таким образом, имя Иисуса ведет Марию Челесте не только к встрече с Иисусом, но к встрече с Отцом Иисуса в свете Святого Духа.

А мы сегодня?

Поняли ли мы, наконец, учась в школе Марии Челесте, что для встречи Бога и человека нужны два лица: то, которое смотрит, и то, которое принимает взгляд; то, которое слушает и то, которое чувствует себя выслушанным, которое любит и любимо?

Как мы высказываем имя «Иисус»?

Не является ли оно формулой, высказываемой машинально, которой пользуемся по привычке? Или это имя Друга, который есть везде и который все сделал, чтобы спасти нас ценой своей жизни, прощая нам и призывая к сотрудничеству с Собой ради спасения мира; преображая нас и призывая сегодня к участию в дружеском пире, в Евхаристии, в ожидании празднования Его Царстве?

Пробовали ли мы молиться с Марией стихом из Ее песни: «Возрадовался дух мой в Боге, моем Иисусе»?

Молимся с Марией Челесте

Пресвятое Имя, столь достойное прославления!(...) Имя столь красивое, столь сладкое, столь дорогое, столь великое, столь полное благ, столь достойное любви, столь удивительное и Божье! Позволь мне все это высказать и дать выход любви моего сердца к Тебе, в свободе, без всяких ограничений, ведь я хочу сказать это Тебе - тому, кто вся моя любовь, моя жизнь, мое сердце и моя душа. Объясни мне, Возлюбленный, почему Ты так терзаешь мое сердце? Оно полно огня; хватает, что что-то услышит о Тебе, и ему кажется, что Твое красивое имя как острое железо ранит его тысячи раз.

(Беседы, 9; Антология, 26)

ПРИМИ МОЕ СЕРДЦЕ

«Приняв в свое сердце мое сердце, и любя его всегда так, как свое, ты сможешь объять в нем сильными узами милосердной любви всех моих людей.

Особым образом будешь любить сестер из общины, в которой живешь, и будешь заботиться об их духовном благе. Поручаю их тебе, потому что они являются моими и твоими невестами. С этого момента, и навсегда, будешь их любить во Мне и Меня в них» (Беседы, 2; Антология, 29).

*Прими мое сердце... В эпоху Просвещения почитание Пресвятого Сердца Иисуса развивалось в Европе почти везде как реакция на лед янсенизма и жесткость ригоризма. Эта набожность повлияла также на Марию Челесте. А ее друг, св. Альфонс, был горячим сторонником этой набожности: в своей книге «Посещения Пресвятых Даров» (распространенной благодаря многочисленным изданиям) многие молитвы он посвятил Пресвятому Сердцу Иисуса. Мария Челесте знала эту его книгу. И для неё эта народная набожность становится не только приглашением к сентиментальным декларациям, но также открытием той великой реальности, которая осуществляется во время Евхаристии: возможность соединения с Богом Отцом через Иисуса Христа в Святом Духе. Мария Челесте имела чрезвычайный опыт этого соединения, и свидетельствует о нем в своих *Беседах с Иисусом*:*

«Я почувствовала, как Ты вложил в мою грудь свое сердце. А мое, как тающий воск, вошло в твое и там осталось. Тогда я услышала его биение, такое сладкое, что мое сердце растаяло от любви. Никакой человеческий язык никогда не сможет этого выразить.

Там, в твоём сердце, я слышала также биение сердец всех людей, которые тебя любят, потому что в нём были отпечатаны все души Тобою сотворенные и искупленные. В твоём сердце мое сердце было переплавлено с этими душами» (Беседы, 2).

Преисполненная радости Мария Челесте, констатирует:

«О Сердце моего Возлюбленного, я не нахожу уже моего сердца, взамен нахожу твое в моей груди. О как счастлив мой дух из-за этого хищения, сделанного Тобою из любви ко мне, Царь мой...

О, каким дуновением чистоты Ты вдохновляешь! Из твоего Божьего существа истекает сладчайшая и пламенная любовь, в блестящем свете этого пламени, которое зажигается в моем чреве твоим красивым сердцем. Здесь открываю великое богатство. Так как Ты открыл мне это утро в книге жизни Твоей Божией любви» (Беседа, 2).

Иисус также напоминает ей, что Его сердце – это сердце пронзенное, открытое, сердце гостеприимное для всех тех, кто хочет принять истину, что он Им любим:

«Мое сердце для тебя - центр покоя. Замечаешь ли ты глубину добра, которая в нем заключена для тебя? Никогда не уходи из этой кельи, приготовленной для тебя. Ибо для тебя на кресте Я раскрыл ее двери, чтобы с этого момента одарить тебя входом в нее. Там, среди бед этой жизни найдешь покой, среди огорчений и гонений – убежище, среди искушений и удрученности – укрепление. Там найдешь также твоих друзей, а моих возлюбленных, всегда, когда пожелаешь найти среди них утешение, радуясь их обществу, безмолвно наслаждаясь сладким объединением с моими святыми. Это отдых, которого не найдешь в мире, среди земных дел. Именно там находится бесконечное Добро, непонятное человеку» (Беседы, 2).

После этого приглашения Мария Челесте помещает Его сердце в центре своей жизни, и Иисус объявляет ей свой секрет: Его сердце, изобилующее любовью, пронзенное ради нас – это сердце Бога Отца:

«Знай также, что, объясняя вам, чтобы вы были кротки и смиренны сердцем, Я не хотел сказать ничего другого, как только открыть вам великую тайну: что Я - сердце Отца, которое Он послал в мир, чтобы передать своим созданиям правду о Себе самом. В подтверждении того вспомни, что Я сказал в Евангелии: «Все, что Я взял от Отца, передал вам». А значит это, что в моем Евангелии содержатся все тайны моего Божества» (Антология, 8; Беседы, 9).

Действительно замечаем, что сердце Иисуса является источником всей любви, всей жизни, той Божьей жизни, в которой Мария Челесте сгорает и для которой полностью жертвует себя. Но эта любовь не закрывается только в узком дуэте любви (Иисус-Челесте), она открывается на любовь без границ, особенно на любовь к сестрам из общины.

«Будешь смотреть на твоих близких с той любовью, с которой Я смотрел на моих апостолов и учеников: тем же самым взглядом любви будешь смотреть на сестёр, с которыми ты живешь. Руководствуясь моим сочувствием, будешь сострадать в их слабостях; с моею любовью будешь их утешать в огорчениях; с моею сладостью будешь им говорить о вечном Царствии; моим страданием будешь сострадать движениям их природы. Ни в коем случае не обращай к ним с резкими словами, чтобы сбылось то, что написали обо Мне: «Мед и молоко на его языке». Твои слова пусть будут полны сладости и любви» (Беседы 9, Антология, 129).

Действительно, Мария Челесте является невестой, влюбленной в Иисуса. Она открывает в Иисусе Бога неустанно думающего о ней, простившего ей грехи, также влюблённого в нее, как и она в Него. С пылом она пишет о Божьей ревности: ревность в библейском значении обозначает «влюбленного без меры», но который вместе с тем уважает свободу того, кого любит:

«Предвечная, безмерная Любовь, кто может высказать Твое огромное милосердие в отношении ко мне, такому ничтожному творению, которое много раз Тебя обидело. Ты, моя Любовь, никогда не уставал любить и одаривать меня, но всегда был близко, чтобы я не отдалилась от Тебя, Источника живой воды. Ты с огромной ревностью заботился обо мне и был как лампада для моих стоп, чтобы я не заблудилась по дороге. Ты был светом для моего разума, чтобы я всегда в Тебе видела свет истины. Поэтому каждое мгновение и каждый час я всматривалась в Тебя чистым, духовным взглядом. Воля моя пылала, ощущая любовное Божье Присутствие, ибо Ты всегда смотрел на меня своим спокойным и полным любви взглядом. Своим Божьим жестом Ты притягивал меня к Себе, чтобы я не останавливалась на земном и чувственном. Душа моя вслушивалась в короткие слова, которыми Ты меня наставлял и объяснял значение некоторых истин, заключенных в Евангелии. В другой раз Ты обращал ко мне сладкие слова, побуждающие меня любить Тебя: «Люби только Меня; Я есть твой Водитель и Проводник; Я тот, кому Ты должна доверять, а не людям. Я избрал тебя, чтобы ты была моей невестой, и хочу, чтобы ты была чистой и невинной, потому не останавливайся ни на чем сотворенном, не пятнай себя делами и чувствами слишком земными, Я ревную о твоём сердце. Я избрал Тебя исключительно для Себя» (Автобиография, I, 6).

И вот пламенный ответ Марии Челесте на Божью любовь:

«Объясни мне, Возлюбленный, почему Ты так терзаешь мое сердце? Оно полно огня; хватает, что что-то услышит о Тебе, и ему кажется, что Твое красивое имя как острое железо ранит его тысячи раз. Поэтому я не могу поверить, что существует какое-то другое сердце, которое любит Тебя более меня. Пусть каждый мой вздох и каждое дыхание устремляются к Тебе, чтобы ранить Тебя тою же самой любовью, которою Ты ранишь меня.

О Радость моего сердца, Мозг моих костей, Дыхание моей жизни, Красота моего облика, Существо моего существа, Возлюбленный мой, как Ты мне дорог, как достоин любви! Я никогда не сумею достаточно объяснить, кем Ты являешься. Это правильно, что многочисленные любящие Тебя сердца умирали из чистой любви к Тебе. Среди них было, прежде всего, сердце твоей дорогой Матери; ибо Она, более чем все другие, могла узнать Божии истины, и потому в Ней более всего разожглось пламя любви до того момента, когда Ты притянул Её к Себе, отделяя от временной жизни в теле» (Антология 26; Беседы, 9).

«Дочь, с этого момента будешь непрестанно соединена со Мною в стремлении к чистоте, которая происходит от Святого Духа. Я вкладываю в твою грудь мое сердце, дабы твоя жизнь была целиком занята моими делами; чтобы ты уже не думала более о своих нуждах, как духовных, так и преходящих. Но всем сердцем, таким же ревностным как мое сердце, не отдыхала иначе, как только для моей хвалы и моего почитания, стараясь о моей хвале согласно своим способностям и возможностям на пользу ближних» (Беседы, 7)

А МЫ СЕГОДНЯ?

Осознаем ли мы, что этим Господом, к которому обращаемся в молитве, мы горячо любимы? Он думал о нас и нас любил еще до создания мира. И сегодня никто не любит нас более чем Он. И одновременно никто не является таким смиренным, как Бог: Он нас уважает и ни к чему не принуждает. Хочет, чтобы мы свободно сотрудничали с Ним в построении собственного счастья и счастья других людей. Сможем ли мы поверить в такую любовь?

Думаем ли мы, помним ли мы об этой любви, об этом Сердце, которое бьется рядом с нашим сердцем, и которое хотело бы и нас включить в симфонию своей любви?

Стараемся ли мы принять эту любовь и одаривать ею других людей, в семье, в общине, в Церкви?

Важно ли для меня счастье других людей, счастье, связанное с их духовными и материальными нуждами?

Молимся с Марией Челесте

Любимое Благо моей души,
Ты огонь пожирающий и резкий.
Когда я приняла твое сердце,
которым Ты меня заново одарил,
Благо мое, с уверенностью могу теперь сказать,
что Ты действительно являешься моим сердцем.
Но как Ты можешь удовлетворяться
такой ничтожной обителью, Господь мой?
Я не могу и не умею
ничего другого сделать,
как только пожертвовать себя Тебе
в бесповоротном даре.
(Беседы, 7)

МАТЕРЬ МНОГИХ ДУШ

«Однажды утром, после св. Причастия, когда уже окончились совместные молитвы, я вернулась в келью, чтобы никто не заметил моего душевного состояния. Палящая любовь проникала мое сердце и истощала мое тело. Я была вынуждена лечь в кровать. Чистые глаза моего возлюбленного Бога проникали в меня, моя внутренность наполнилась особенной ясностью и тишиной. Тогда Господь сказал мне: «Я хочу тебя сделать матерью многих душ, которые через тебя хочу спасти» (Автобиография I, 14).

Для Марии Челесте Евхаристия не является только таинством омовения ног Иисусом, который одаривает ее прощением грехов: *«Я омою тебя и очищу от всех твоих грехов»*, но, прежде всего, для нее это таинство соединения духовным браком с Христом, единство с Ним, с мукой и воскресением Спасителя, и, одновременно, таинство Пятидесятницы, что значит - апостольской плодовитости, духовного материнства. *«Я хочу тебя сделать матерью многих душ, которые через тебя хочу спасти»*. Эти слова Иисуса, услышанные ею после св. Причастия, оставляют отгиск на всей ее жизни. Столетие позже св. Тереза Младенца Иисуса похожие слова напишет в своей «Истории души»: *«Быть твоей невестой, о, Иисус, а через соединение с Тобой - матерью душ»*.

Христос, в беседе с Марией Челесте уверяет её в том, что она будет сотрудничать в деле Спасителя. А исполнением этого дела является спасение многих душ! Мария Челесте в восторге! Но хорошо знает, что это рождение душ будет очень болезненным. Страдание и плодовитость. Это не будет результатом ее собственных усилий, но плодом апостольской работы всей общины Церкви, а, прежде всего, самого Господа, который в ней присутствует и действует вместе с нею.

Однажды утром Иисус приглашает её, чтобы она позволила себя охватить огнем любви, который пылает в Нем ради всех спасенных Им душ:

«Этим утром приглашаю тебя особенным образом в мое сердце, где с любовью жду тебя. Хочу, чтобы ты в нем сочеталась духовным браком со всеми душами, которые есть в моей Церкви, а также с теми, которые еще к ней не пришли. Именно такова моя жажда, чтобы Ты любила их той же самой любовью, которую Я от всего сердца люблю тебя. И так как Я более заботился о них, чем о себе самом, когда Я был в мире, так и ты не заботься больше о себе, а только о спасении тех, кого Я так сильно люблю» (Антология, 14; Беседы, 2).

Иисус настаивает на этом и сравнивает ее с дельфином:

«Невеста моя, ты для Меня как дельфин, особый друг человека, который следует за ним и притягивает рыбу к его сети. Так и ты, возлюбленный друг Бога Человека, идешь за Мной с любовной привязанностью и приводишь души к сети моей благодати» (Беседы, 2).

Мария Челесте не делает ничего без Спасителя. Это соединение с Ним не препятствует ей в миссии. Ее личной миссией является основание нового монашеского института. Он был основан в Скала, в торжество Сошествия Святого Духа, 13 мая 1731 года. Потом 25 мая 1733 года, в понедельник после Пасхи, после неудачи и ухода из Скала, она начинает новый этап этого дела, которое совершится в 1738 году, снова в торжество Сошествия Святого Духа, когда Мария Челесте испытает радость основания нового монастыря в Фоджа.

Избранным девизом редемптористок и редемптористов с начала основания института были слова: *«Обильное у Него (Иисуса) искупление» (Copiosa apud eum redemptio)*, подчеркивающие их миссионерское рвение и упование на Господа. Даже проповедуя небольшой группе людей Мария Челесте и св. Альфонс были убеждены, что спасение, совершенное Иисусом, было чрезвычайным. Невообразимым.

А мы сегодня?

Когда мы молимся, когда участвуем в Евхаристии, осознаем ли, что молитва – это самый важный источник нашего апостольского труда? Надо просить «Господина жатвы» (ср. Мф 9, 38; Лк 10, 2), чтобы послал работников и работниц на свою жатву.

Осознаем ли мы, что быть христианином не означает только заботиться о собственном спасении, но стараться о спасении всех мужчин и женщин нашего времени, означает старание,

которое мы осуществляем со всей общиной Церкви, это значит вместе с Иисусом Христом?

Когда, в конце концов, мы поймем, что Господь всегда является первым Работником в нашем апостольском труде, а мы - только земля, которая получает зерно? Являемся ли мы гостеприимной землею?

Соглашаемся ли мы вместе с Господом служить, сотрудничать, щедро и радостно, теперь и в будущем, как делала это Мария Челесте, которая «была матерью многих душ»?

Молимся с Марией Челесте:

О, Божий Отец...

Твое Слово - огненная стрела, проникающая мою душу, чтобы её навсегда расплавить в твоей Божьей любви!

Ты говоришь мне, что хочешь, чтобы я была зажженным факелом, который непрестанно горит перед Тобой, одаривая светом многие души.

Как я могу это сделать, если я сама являюсь только темнотой?

Буду факелом, и даже солнцем, если Ты навсегда соединишься с моим сердцем. Прошу Тебя, чтобы так было через твое Божье милосердие.

(Духовные упражнения, 8)

ДРУГ, КОТОРОГО Я ТЕБЕ ДАЛ

«Мой отец (письмо Марии Челесте св. Альфонсу, написанное в апреле 1731года), разве Ты думал, что не будешь участвовать в наших болях? Все наши друзья имеют в них свой удел... Наши сердца в руке моего Бога, чего мне бояться? До сих пор Он ещё не отказал мне ни в чём... Когда я узнала об этом новом деле, я обратилась к моему Жениху и в молитве я Ему пожаловалась. Тогда Он утешил меня, сказав: «Не бойся! Никто не сможет лишить тебя этого друга, которого Я тебе дал».

Друг, которого Я тебе дал. Речь идет о св. Альфонсе де Лигуори. Мария Челесте встретила его первый раз годом ранее, когда страдала из-за своих откровений, касающихся нового института. В это время, полное критики и насмешек, которые ее окружали, св. Альфонс был для неё опорой. Таким и останется. Мария Челесте в этом убеждена и вновь это подтверждает в своем письме от 4 октября 1730 года:

«Дорогой отец, ты являешься постоянным товарищем моих бедных и холодных молитв. В духовном соединении с тобою, отец, я приступаю к св. Причастью, и отец меня сопровождает. Я радуюсь, что вся наша община вспоминает отца с радостью. Да благословит Бог нашу дружбу, которая соединяет нас для Его хвалы и в Его честь».

Мария Челесте доверяет св. Альфонсу еще и другое откровение Господа, которое её очень взволновало. Она получила его, как всегда, в момент Евхаристии:

«Однажды утром, после св. Причастия, дано мне было увидеть с необычно выразительностью дары и блага, которыми Господь одарил твою душу. Сказал мне также: «Ты через этого человека получишь от Меня много благодати моего милосердия. Настоящим знаком особого благоволения в отношении к моему слуге Альфонсу, чтобы познал, как его люблю, будет то, что всем душам, находящимся под его духовной опекой, Я буду благоволять неисчислимыми милостями... Я одарил его самыми большими дарами моей чистой любви, которые душа может получить... Она будет одарена всеми этими большими дарами, которые ведут к окончательному, высочайшему соединению со Мной» (Письмо Альфонсу де Лигуори, написанное в конце сентября – начале октября 1731 года).

В своих письмах св. Альфонс также не скрывает дружбы с Марией Челесте. Она - одна из тех редких лиц, к которым он обращается на «ты», так как и она к нему. Он называет её: «Челесте... Моя Челесте... Моя дорогая Челесте... Моя возлюбленная сестра в Иисусе Христе и в Марии...». В ответе на одно из его писем, в котором она написала: «Что тебе моя душа?», он отвечает: «О Челесте, не говори так мне, это слишком большая неблагодарность, слишком приблизились наши души в Иисусе Христе, разве ты не знаешь, как я озабочен твоею душою? Это сделал Бог, а не я; я не могу не желать тебе всякого совершенства так, как желаю этого для себя... Все то, что я тебе написал, моя Челесте, я написал потому, что я люблю тебя в Иисусе Христе».

Св. Альфонс не был единственным другом Марии Челесте. Епископы, священники одаривают ее своей дружбой, но, прежде всего, миссионеры из Конгрегации, которую он основал, и которой она была вдохновителем. Среди них выделяется брат Герард Майелла. *«Когда приезжал в Фоджа, а удавался это часто, рассказывает его биограф отец Таннойа, первое, что он делал, было свидание с Матерью Марией Челесте. Она была счастлива, разговаривая с Герардом, а Герард был счастлив, что мог излить ей чувства своего сердца».*

Герард установил сердечную дружбу с нею и ее сестрами, участвовал в рождении многих призваний в общине монахинь редемптористок, которые появились среди девушек, которых он вел к монашеской жизни, в течение своего шестилетнего, такого короткого пребывания в Конгрегации.

Мы часто выбираем друзей селективно: это люди одного с нами пола, возраста, похожей среды, профессии, культуры, религиозных или политических взглядов. Иисус напротив, у Него в выборе друзей не было границ: Его друзьями были дети, больные, инвалиды, язычники, бедные, женщины... Идя Его следами, большинство святых входили на дорогу дружбы и были этой

дружбой очень известны. Например: Схоластика и Бенедикт; Клара и Франциск Ассизский; Жанна де Шанталь и Франциск Сальский; Луиза де Марилиак и Викентий а Паоло. Аналогично - Мария Челесте, Альфонс и Герард. Они все трое, несомненно, были друзьями Иисуса - Гостию. Евхаристия, посещение Пресвятых Даров характеризовало их христианскую жизнь уже с детских лет (...).

И поэтому они втроём, как и многие другие друзья на земле, имели этого большого Друга на небе, настоящего Друга, Иисуса, с которым разговаривали каждый день, особенно в момент Евхаристии, и которому Мария Челесте могла выразить свою благодарность:

«О, Царь моего сердца, твой голос полон сладости для моих ушей. Имя «подружки», которым Ты меня удостоил, делает так, что я умираю от сладости. Кажется мне, что твое и мое сердце дышат тою же самой любовью. Я чувствую себя наполненной твоими благами, в полном доверии моего существования Твоему» (Новенна, 8).

А мы сегодня?

Какова наша дружба - тесная, ограниченная или открытая, без границ? Готовы ли мы, как Господь, принять в нашем сердце каждого, кого встретим сегодня?

Помним ли мы о наших друзьях в молитве? Не забываем ли мы обо всех других людях?

Осознаем ли мы, как Мария Челесте, что Господь - это наш первый Друг? Радуемся ли мы этой неслыханной дружбой Господа с нами?

Когда молимся, удовлетворяемся ли мы лишь высказыванием красивых формул молитв, или у нас есть хорошая привычка беседовать с Богом как с другом, как это делал Моисей, Мария Челесте и множество верующих в течение всей истории?

Молимся с Марией Челесте

Возлюбленный мой Господь и Жених,
Ты - мой единственный и особый Друг.
Я сильно чувствую, что не могу пережить ни минуты,
ни мгновения без Тебя.
И мне кажется, что дух мой радуется,
когда осознает, что день ото дня,
с каждым проходящим часом,
все более приближается к нему вечное наслаждение пребывания перед твоим Божьим Ликом.
(Беседы, 9; Антология, 135)

ТВОЯ ПРЕКРАСНАЯ И ДОРОГАЯ МАМА МАРИЯ...

«Сегодня, во время св. Причастия, Ты наставлял меня, мой Возлюбленный... В одном светлом, но только минутном взгляде, я вмиг увидела прекрасную и дорогую Маму Марию» (Новенна, 9)

Твою прекрасную и дорогую Маму Марию... Мария Челесте любит Матерь Иисуса. Она читала и медитировала над «Евангелием детства» св. Луки, а также и над Евангелием св. Иоанна, в котором Матерь Иисуса представлена в двух ключевых моментах жизни своего Сына: в Кане Галилейской и на Голгофе.

Она читала и «Прославление Марии» своего друга св. Альфонса. В его замечательном комментарии к молитве *Salve Regina (Славься Царица, Матерь Милосердия)*, которая из произведений всех времен, посвященных Марии, наиболее привлекает читателей (существует более тысяч изданий на разных языках). Во второй главе «Славься, наша Надежда», находятся молитвы, выражающие мысли и чувства похожие на те, которые высказывает Мария Челесте. Вероятно, они вдохновляли ее, когда она писала свои медитации:

«Эта Матерь Любви была похожа на своего Божьего Сына во всем: в чистоте, в смирении, в соединении с Божьей волею. Не проходила минута, час, чтобы биение Ее Божьего сердца не устремлялось к Богу, не было в Боге и для Бога. Ибо Бог дал нам Её как Матерь, как Учительницу, как Наставницу и как Образец» (Медитации на Адвент, 36).

Дева Мария присутствует в большинстве трудов Марии Челесте.

Опережая документ Папы Павла VI «*Marialis Cultus*» (1974 г.), она представляет Адвент как время, особенно посвященное Марии. Среди медитаций на Адвент и Рождество пятьдесят говорят о Матери Божьей, что подтверждает следующий отрывок:

«Итак, моя Госпожа, Тыходишь в сад Бога Отца, в Его Слово, которое стало человеком, чтобы в этом святом Саду достать из Подлинника Его копию. В Тебе смешана мирра с ароматами всех добродетелей, которые влиты в это святое Человечество: радость, мир, терпение, великодушие, доброта и все плоды Святого Духа. В этом святом человечестве мирра выделена, потому что Мария со своим Сыном являются образцами страдания, превосходящего страдание всякого создания. Именно Мария - это Копия Подлинника, Изображение Иисуса. Мария, моя Матерь – это светлый и чистый Кристалл, который излучает.

Ты была приглашена в этот Сад, а через Тебя также мы, Твои друзья, то есть все те, которые входят с Тобой в Сад святого Человечества, благодаря подражанию жизни и добродетелям Иисуса, и, таким образом, становясь Его подлинными копиями. Это те, кто вкушает с Тобой сладости меда, молока и благородного вина.

О Мария, Иисус хочет подобия, но только Ты стала Его прототипом, в которое Он, Иисус Человек Бог, может всматриваться, и в котором Его благоволение.

Я к Тебе прибегаю, Матерь Любви. Соделай, чтобы я вошла в этот прекрасный Сад наслаждения Отца в Иисусе, Твоем Сыне. Соделай, чтобы я стала копией идеального Оригинала, и была одной из Твоих настоящих подружек, напоенных тем самым сладким вином» (Антология, 11).

Это почитание Богоматери Марией Челесте берет своё начало в народной набожности. Каждое утро из глубины своего сердца она возносила молитву, которую сама сочинила для своей прекрасной и дорогой мамы Марии:

*«Пресвятая Дева, Матерь Бога и моя Матерь, Ты, после Иисуса, - вся моя Надежда. Ты - моя Любовь, мое Утешение: к Тебе прибегаю, моя возлюбленная Царица; в твоих сладких объятиях желаю жить и умирать. И поэтому поклоняюсь Тебе, целуя три раза землю и прося, чтобы Ты была моею помощью, моею защитой, моею поддержкой в этот святой день, и приняла меня под твой девственной покров, как посвященную Тебе дочь. Целую твои святые длани и прошу, чтобы Ты благословила меня вместе с Пресвятой Троицей. *Nos cum prole pia benedicat Virgo Maria*» (Фавр, с. 351).*

Мама Мария присутствует также при основании нового Института. Однажды летом 1731 года Мария Челесте, просвещенная внутренним светом, видит Матерь Иисуса. Она вспоминает об этом в письме своему другу св. Альфонсу:

«Однажды утром, после св. Причастия, когда моя душа как обычно пребывала в любовном отдыхе, в меня проник свет, и я увидела маму Марию... Мой Жених, Иисус, совершил акт пожертвования всех душ этого Института своей дорогой Матери, передавая Ей их как своих возлюбленных дочерей, и Она приняла их с огромной любовью» (Письма...).

Вот почему Мария Челесте, когда редактирует правила для монахинь своего Института, подчеркивает значение почитания Богоматери:

«Также будем помнить, что Мария была внутренне соединена с тайной Искупления. Она Мать Бога, Мать Церкви и наша Мать, Первая Верующая, Первая Искупленная, образец послушания плану Бога. Охотно будем размышлять о великих делах, совершенных Богом в Марии, и будем усиленно стараться, чтобы все истинно и глубоко созревало в нас благочестие Матери Божьей» (Устав, 8).

А мы сегодня?

Есть ли в нашей молитве место для Марии? Особенное место?

Когда просим в молитве Марию о Ее заступничестве за нас, помним ли мы о том, что Она, прежде всего, Мать: Матерь Иисуса, Матерь Церкви и также наша Матерь?

В наших церквях, в местах Ее культа, Пресвятая Дева представлена и часто одета как принцесса или царица. Существует риск, что мы не заметим в ней женщины, настоящей женщины этой земли; стараемся ли мы помнить об этом?

Если бы мы встретили Её на улицах Назарета, в день Благовещения, Она ничем не отличалась бы от других девушек своего времени. Только одним: удивительным взглядом, светлым и чистым; только удивительной доброжелательностью, гостеприимством и открытостью; только удивительной радостью, полной свежести и готовности, чтобы вспыхнуть песней прославления Бога (Песнь Богородицы), и в конце – только решительной волей, свободой и ответственностью.

Мария является женщиной, которая сказала Богу Отцу «Да». После «Да» Иисуса, это самое настоящее, верное и совершенное «Да» Богу во всей человеческой истории. Ее «Да» не было «Да» высказанным в минуту экстаза, но было согласием на всю Ее жизнь.

Вместе с Марией Челесте будем просить Марию о заступничестве, чтобы наше «Да» на призыв Господа было искренним сегодня и верным навеки.

Молимся с Марией Челесте

Прибегаю к Тебе, о Матерь любви,
дабы Твоим заступничеством
живой образ Иисуса
был прочно запечатлен во мне;
дабы небесный Отец всматривался в меня
с той же безграничной любовью,
с которой смотрит на Своего Возлюбленного
и Божьего Сына в Себе.
Той же любовью Он нас любит
в Печати Его Человечества.
(Антология, 12)

**КАК ПРЕКРАСНА СМЕРТЬ,
КОГДА ЖИЗНЬ БЫЛА ХОРОША;
КОГДА ЖИЛ УМИРАЯ ДЛЯ СЕБЯ,
ТОГДА В СМЕРТИ НАЙДЕШЬ ЖИЗНЬ**

«Дочь любви, смерть – это сон покоя для праведных, потому что они живут в любви и в этой же самой любви умирая, отдыхают. В любви умирают смертью спокойною, сладкою и кроткою. Праведник живет, всегда умирая для себя самого, для любой своей склонности, для неупорядоченных желаний, для каждого движения своих страстей, отрицая акты собственной воли, чтобы исполнять Божью волю. Он обнимает в этом мире всякое страдание и муку, отрекаясь от себя самого, умирая для всего чувственного, лишая себя всякой склонности, хотя бы она была законной. И так он живет, умирая в каждой минуте своей жизни.

Он не ищет удобств жизни ни в пище, ни в одежде, удовлетворяется тем, что получает и что необходимо, чтобы поддержать жизнь тела. Отрекается от всех других вещей, и, живя, умирает в каждом моменте.

К почестям и богатству относится так, как будто их нет в мире. Также для них умирает, живя, и ждет смерти, чтобы отыскать жизнь: он ждет предназначенного часа.

И когда это время наступит, не будет уже для души, которая любит, вести более радостной и счастливой, не только потому, что окончилась борьба, и она оставляет все, что давно оставила, и не только потому, что чувствует себя в безопасности, ибо уже не одолеют ее многочисленные неприятели, но самую большую ее радостью будет обладание ее возлюбленным Благом.

Итак, душа без всякого страха бежит к вечному Благу, и смерть становится для неё сладким сном покоя и долгожданым путешествием на Родину, чтобы она могла дойти до своего Центра, откуда вышло ее естество, где была зачата от века, чтобы там радоваться в вечности благом Того, которого всегда желала обнять и с кем желала соединиться.

Умирая, праведная душа хорошо знает, что Тот, кто приводит ее к смерти, любит её, а кто её любит, дает ей вечную жизнь. Она находит благоволение в принятии смерти из руки Возлюбленного и живет уверенностью, что Он овладел ею через свое милосердие.

Смотри, дочь, как прекрасна смерть, когда жил умирая. Посмотри, как живешь ты, и увидишь, будет ли для тебя смерть тяжестью или радостью. Живи умирая, и пусть только память о смерти будет твоей жизнью» (Антология, 137).

Как прекрасна смерть! Это слова любви. Мария Челесте - женщина, которая пылает любовью к Господу. Смерть, о которой она говорит, она переживала в течение всей своей жизни, когда была вынуждена скитаться и бороться за основание нового Ордена. Более того, каждая Евхаристия была для неё возможностью участия в смерти и воскресении ее Господа и Друга, ради спасения мира.

Таким образом, в конце столь богатой событиями и бурями истории ее жизни, свидетельство Марии Челесте является криком веры и песней надежды. Вспомним здесь слова св. Иоанна Апостола, которые она так охотно комментировала: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши, о Слове жизни, - ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, - о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение – с нами; а наше общение – с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом» (1 Иоанна 1, 1-3) Мария Челесте свидетельствовала и свидетельствует о своем пути любви к Иисусу. Ее слова, записанные в одном из размышлений, являются эхом Его слов: «Огонь пришел Я принести на землю...»:

«Я хочу только того, чтобы ты сгорала в чистом желании любви и в этом пламени ты увидишь Меня, ибо оно одновременно будет и гореть и светить, чтобы ты увидела Меня в себе, как Жизнь твоей души и как Двигатель твоих движений. Таким образом, ты узнаешь

любовь, которой Я возлюбил тебя от века и ты забудешь сотворения, ибо в несотворенном и предвечном Благости ты будешь иметь жизнь. Это пламя тебя будет поглощать так долго, пока не сделает тебя совершенной жертвой.

Это пламя Святого Духа, которое соединяет тебя с твоим Богом, как огонь уничтожит всякое твое несовершенство, родившееся из земли твоего сердца.

В этом свете, когда будет уничтожена каждая земная нечистота, в одном пламени, ты увидишь Меня, как Моисей в несгорающем кусте, это значит, что очи твоего духа увидят Меня, твои уши услышат мой голос, мой запах тебя подкрепит, твои уста попробуют моей пищи спасения; ты познаешь Меня своим осязанием.

Твоей пищей да будет любовь и пламя, в котором ты будешь сгорать днём и ночью, пока не станешь огнем. Пусть этот огонь будет твоим желанием, чтобы ты была им поглощена; но во всем другом ты будешь как бы мертвой для мира. Будешь жить только любовью, в любви и от любви пылать, пока не станешь огнем в Огне, без какого-либо различия» (Антология, 33).

Мария Челесте пылала огнем любви до последнего своего часа. Стоит вспомнить, что в день ее смерти, 14 сентября 1755 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, ничто не предзнаменовало окончания ее жизни. В половине дня она почувствовала, что уходят ее силы. Велела призвать священника.

Как мы знаем, она начала свою монашескую жизнь в Кармеле в Мариилиано. Духовность этого Ордена обозначила ее жизнь. Наверное, в момент приближающейся смерти, она вспомнила молитву Терезы Авильской, высказанную ей на смертном одре. Эти слова вдохновляли многие тексты Марии Челесте: «Господь мой, пришел ожидаемый мною час смерти. Это час, которого мы ждем, мой Возлюбленный. Это время, которое нас пробуждает. Я ждала этого момента, пойдём! Пусть исполнится Твоя воля. Пришел час ухода из этого изгнания. Пришел час насыщения Тобою, которого я так желала».

В этот час Мария Челесте получила Таинство елеопомазания больных и Евхаристию, как напутствие (виатик - так называют св. Причастие, полученное в последний путь человеком). Потом она попросила священника о чтении вслух Страстей Иисуса по Евангелию св. Иоанна. В тишине она слушает слова Распятого: «...совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Ин 19, 30). В этот момент Мария Челесте соединилась с пасхальной жертвой своего Господа и Друга, преклонила голову и издала последний вздох. Это было в третий час дня, в пятницу.

Таинственный запах, запах роз наполнил комнату усопшей. Эта была как бы ее подпись: Креста - Роза, т.е. «роза огня»! И, можно сказать, что эта была как бы ее благая весть, ее евангелие. Последнее евангелие розы. Это евангелие, такую благую весть Ганди любил представлять таким образом: «Позвольте чтобы ваша жизнь была проповедью. Роза не пользуется языком, хватает того, что она распространяет запах и даже слепец, не видя розы, ощущает ее запах. Вот, весь секрет евангелия розы».

Это также евангелие Марии Челесте: ее жизнь и ее смерть прозрачно показывают нам жизнь и смерть Иисуса, которого она так сильно любила.

В тот же самый час, в Матердомини, на расстоянии в 100 километров, ее очень страдающий друг св. Герард - который умрет спустя месяц после ее смерти - воскликнет собрату, который о нём заботился: «Брат мой, сегодня Мария Челесте улетела на небо, чтобы получить награду за свою огромную любовь к Иисусу и Марии». Можно сказать, что св. Герард уже в этот момент канонизировал ту, которую народ уже много лет называл «святой аббатисой». Поэтому после ее смерти жители Фоджа и окрестностей собрались около ее гроба и с печалью повторяли: «Святая аббатиса умерла! Святая аббатиса умерла!»

А мы сегодня?

Когда молимся, что мы думаем о нашей смерти? Думаем ли мы о смерти как Мария Челесте: как о встрече с нашим лучшим другом или как о катастрофе? Думаем ли как о встрече, как о празднике, к которому надо подготовиться?

Мария Челесте над страданиями, смертью и воскресением Иисуса, которого считала своим Другом, долго медитировала, прежде всего во время Евхаристии. Думаем ли мы, как

нам надо умирать для нашего Друга, для Иисуса, который теперь и навсегда Распятый и Воскресший? Участвуя в Евхаристии, осознаем ли мы наше участие в смерти и воскресении Христа?

Испытываем ли мы счастье, открывая вместе с Марией Челесте, как прекрасна смерть, когда в нас побеждает силой Святого Духа воля любви нашего небесного Отца, который хочет нас всех спасти и в каждой Евхаристии приглашает к соединению с Христом, умершим и воскресшим?

Молимся с Марией Челесте

В Тебе Иисус,
Отец одарил меня жизнью.
Через твою смерть
Подарил мне новую жизнь.
О, бесценная смерть,
которая возродила меня к жизни!
Да, моя Любовь, любимое Слово Божие,
Ты дал Жизнь тем, кого Ты хотел ею одарить.
Но Бог Отец не воскресил Тебя прежде
чем Ты не перенес болезненной смерти.
Не одарит также и душу
столь бесценным даром воскресения,
если она не начнет умирать
во всей жизни своих внутренних и внешних чувств.
Ты действительно хочешь,
чтобы я умирала в твоей смерти
и воскресла к новой жизни любви,
в Тебе, Слове Божие,
Жизнь всего!
(Упражнения любви на каждый день, 4 апреля)